

И.А. КОЗЛОВ

ПО СЛЕДАМ «ТУРЕЦКОГО ГАМБИТА»,
ИЛИ РУССКАЯ «ПОЛУПОБЕДА»
1878 ГОДА

Игорь Козлов

**По следам «Турецкого
гамбита», или Русская
«полупобеда» 1878 года**

«Этерна»

2014

Козлов И. А.

По следам «Турецкого гамбита», или Русская «полупобеда» 1878 года / И. А. Козлов — «Этерна», 2014

«По следам “турецкого гамбита”» – это путь от загадок «возни» русской армии под Плевной до абсурда ее «стояния» у распахнутых ворот Константинополя в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это путь, ведущий к пониманию той «необычной смеси самомнения и идеализма», которой отличалась внешняя политика трех последних российских императоров и которая в конечном счете привела Российскую империю к началу трагедии – августу 1914 г.

© Козлов И. А., 2014

© Этерна, 2014

Содержание

О чем эта книга	5
Часть I	9
Глава 1	10
Вперед на Константинополь, а за Рушуком приглядим	18
Упущенная победа	21
Глава 2	27
Кто и как остановит русских?	31
Два шага в капкан	37
Глава 3	52
Генерал, вы струсили... извольте полечиться	52
Знакомьтесь – господин Фаврикодоров...	57
Глава 4	60
Штурм Шипки: глупость и доблесть по-турецки	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Игорь Козлов

По следам «Турецкого гамбита», или Русская «полупобеда» 1878 года

Моей дочке, Орловой Элине Игоревне, с любовью и надеждой...

О чем эта книга

В 2008 г. произошли два события, воскресившие в памяти один, казалось бы, давно похороненный в глубинах истории вопрос. Точнее даже то, как он был решен – не в пользу России. Речь идет о Восточном вопросе и о том, почему над черноморскими проливами все же не взвились российские флаги.

После нападения на Южную Осетию в августе 2008 г. грузинские войска были разгромлены и отброшены на свою территорию Вооруженными силами Российской Федерации. Однако на помощь Тбилиси поспешили страны НАТО. В гуманитарных целях, с грузом «бутилированной воды и детского питания», пройдя Босфор и Дарданеллы, к берегам Грузии стали подходить боевые корабли Североатлантического альянса. К сентябрю 2008 г. их насчитывалось уже десять, а по количеству противокорабельных и зенитных ракет большой дальности весь российский Черноморский флот в полтора раза проигрывал всего лишь пяти явившимся натовским кораблям¹.

Но в 2008 г. минуло 130 лет с момента завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., победоносные итоги которой вполне могли сложиться для России так, что уже в то далекое время навсегда бы избавили нашу страну от опасности появления у ее южных берегов боевых кораблей нечерноморских стран.

А за три года до указанных событий, 22 февраля 2005 г., на российские экраны вышел фильм «Турецкий гамбит», снятый по одноименному роману Бориса Акунина, действие которого разворачивается в годы той русско-турецкой войны. С кассовым сбором в девятнадцать миллионов долларов, он не только оправдал ожидания продюсеров, но и оставил далеко позади ближайших на тот период конкурентов². Фильм вызвал немалый общественный резонанс. Его активно обсуждали на телевидении, радио, страницах периодической печати.

Появление «Турецкого гамбита» на афишах кинотеатров совпало с переизданием капитального труда под редакцией В.А. Золотарева, посвященного Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.³ К 2006 г. отзвуки фильма обрели уже форму исторических произведений. Именно тогда увидела свет книга Н.В. Скрицкого «Балканский гамбит. Неизвестная война 1877–1878 гг.». Из названия было понятно, что как роман Бориса Акунина, так и фильм явно вдохновили автора. И вдохновили, похоже, противопоставить свое описание войны той версии, которая была предложена Акуниным⁴.

«Неизвестная война»?.. Да помилуйте. Последняя русско-турецкая война – это, пожалуй, одна из самых изученных войн российской истории. Еще 21 марта (2 апреля) 1879 г.⁵ при Глав-

¹ http://nvo.ng.ru/wars/2008-09-05/1_blacksea.html

² Эксперт. 2005. 22–28 августа. № 31 (477).

³ Золотарев В.А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – Апофеоз Восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005; *Его же*: В грядущее глядим мы сквозь былое. Война 1877–1878 гг. – Апофеоз Восточного кризиса. М.: АОЗТ «ЮПАПС», 1997.

⁴ Скрицкий Н.В. Балканский гамбит. Неизвестная война 1877–1878 гг. М.: Вече, 2006. С. 1.

⁵ Во избежание путаницы, в настоящей работе все даты XIX в. приводятся по старому стилю (юлианскому календарю),

ном штабе была образована Военно-историческая комиссия по сбору и анализу документов войны 1877–1878 гг. Проработав тридцать два года, комиссия изучила и опубликовала огромное количество документов. На этой основе она подготовила и издала многотомное «Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове».

Именно на материалах Военно-исторической комиссии выстраивали свои работы все позднейшие исследователи русско-турецкой войны. Так что назвать ее «неизвестной» – ну, это все же лукавство.

Однако есть в последней русско-турецкой войне нечто такое, чему не сразу подберешь и точное определение. Казалось бы, очевиден ее благородный пафос. «Вся Россия соединилась в одном великодушном порыве: прийти на помощь славянским братьям и содействовать их освобождению», – писал современник тех событий, советник российского посольства в Вене, а впоследствии выдающийся историк, С.С. Татищев⁶.

В то же время эта война с Турцией предстает порой чередой явных несуразиц; нестыковок целей и средств, стратегий и тактик; откровенных «непоняток» и абсурдов. И чем дальше продвигаешься в ее изучении, тем больше она кажется какой-то странной, явно лишенной целостной логичности. Но и это оказывается лишь одним из пластов ее феноменологии. «Копая глубже», любой внимательный исследователь непременно выйдет далеко за рамки чисто военной тематики. И обязательно упрется в серьезнейшие вопросы российской истории, которые порой причудливо проявлялись в помыслах и действиях участников тех далеких событий. Точно так же Б. Акунин в романе и создатели фильма вольно или невольно задели очень любопытные и весьма тонкие струны нашей истории.

«Я шел на “Турецкий гамбит” со своими встревоженными родовыми эмоциями, надеясь на встречу с таинственным и мистическим», – писал о фильме в марте 2005 г. Александр Проханов⁷.

Не станем пока касаться эстетики «таинственного и мистического».

Зададимся простым вопросом: а что вообще мы знаем о той русско-турецкой войне? Не с высот метафизики А. Проханова, а на уровне среднестатистического обывателя с багажом исторических знаний средней школы.

Могучая Российская империя обнажила меч в защиту братьев-славян. Это славянский «крестовый поход» – так в 1877–1878 гг. оценивали события русско-турецкой войны очень многие образованные люди в России. Основной удар русская армия наносила на Балканах, вспомогательный – на Кавказе. Героическая оборона Шипки, скрепившая боевое братство русских и болгар. Непоколебимая стойкость защитников Баязета, о которых не так давно был снят и показан телесериал. Что еще?

Да, современный болгарский Плевен, а тогда – Плевна!.. Три раза русская армия почему-то штурмовала город, находившийся в стороне от главной линии наступления, но так и не смогла его взять. Зачем она это делала?.. Тем не менее турок дожали блокадой, и они капитулировали. Ну, а далее – стремительный рывок к Константинополю. И вот, казалось бы, полная победа! 19 февраля (3 марта) 1878 г. – почетный мир в Сан-Стефано: свободная Большая Болгария... Да, потом, правда, был какой-то конгресс... Берлинский конгресс в июне 1878 г. На нем европейские «друзья» России резко урезали плоды ее побед. Вот, пожалуй, и все. Не так, впрочем, и мало.

Но кто-то более эрудированный наверняка вспомнит: ведь мы остановились в двух шагах от Константинополя. Остановились и не взяли его?! Почему?.. Так, может быть, прав один

принятому в то время в России (а также в Болгарии, Сербии, Черногории и других странах), в скобках – по новому стилю (григорианскому календарю).

⁶ Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М.: АСТ, 2006. С. 673.

⁷ Завтра. 2005. Март. № 10 (590).

из главных героев войны генерал М.Д. Скобелев, считавший, что ее финал – это «какое-то недоконченное торжество, какая-то полупобеда»⁸.

Ну, а дальше – вопросы нарастают как снежный ком. Чтобы в этом убедиться, достаточно зайти на форум русско-турецких войн в Интернете⁹. Мы упустили шанс овладеть черноморскими проливами – Босфором и Дарданеллами?! А тогда вообще за что мы воевали, если после освободительной войны разругались с властями Болгарии, Сербии и Румынии, которые отвернулись от России и направились в сторону ее европейских обидчиков?

И вот за это мы заплатили более 200 тысяч жизней русских воинов и около миллиарда казенных рублей?! Какого черта мы вообще ввязались в эту войну, ведь у нас были вполне нормальные отношения с Османской (Османской) империей?

Ладно, ввязались. В очередной раз повелись на сентиментальные имперские мифы. Ну, а уж коли так, то чего мы целых пять месяцев потратили на разгром турецкого отряда под Плевной? Зачем перенесли туда, на правый фланг, основные усилия всей русской Дунайской армии? Не лучше ли было прикрыться на этом направлении оборонительным корпусом, а основные силы бросить вперед, на захват турецкой столицы, проливов, прогнать турок обратно в Азию и уже с такими козырями на руках отстаивать свои национальные интересы за столом переговоров с Европой? «Политика свершившегося факта» здесь была бы весьма уместна, не так ли? Действуя более национально-прагматически, мы, глядишь, и свой «интернациональный долг» перед братьями-славянами выполнили бы с гораздо лучшими результатами.

«Э-ка, голубчик, ну вы и загнули. Все это – пустые фантазии. Это слишком далеко от реальных исторических обстоятельств», – наверняка скажет какой-нибудь другой эрудированный читатель. И по-своему будет прав. Ну, а кто-то наверняка усмотрит в этом тоску автора по имперской великодержавности.

Вот только все эти вопросы отнюдь не плод авторских фантазий или досужих размышлений искателей исторической правды из интернет-сообщества. Эти вопросы зародились еще у многих участников и современников балканских событий 1875–1878 гг. С тех пор они воспроизводятся как исследователями той войны, так и теми, знания которых о ней хотя бы немного зашкаливают за объем программы средней школы. А сегодня эти вопросы заканчиваются порой и такими оценками:

«Александр II отступил (от Константинополя. – *И.К.*). Его “англичане попросили за турок”!

19 февраля 1878 г., в годовщину отмены крепостного права, царь даровал свободу болгарам. Себе оставил только клочок земли у Дуная, да на Кавказе города Карс и Батум.

“Убивать надо таких толстовцев!” – выпалил через 50 лет турецко-подданный Остап-Сулейман Бендер...

Вот и стали Александра убивать»¹⁰. Ну как? Скажете – исторический стеб, грубо, зло...

Но вернемся к поставленным вопросам. Именно с них и начинаются загадки той русско-турецкой войны. Здесь заявляет о себе и «метафизика» в духе Александра Проханова. А закончиться она, между прочим, может и таким предположением, что интересующая нас война – это, к сожалению, нереализованный, но наиболее вероятный шанс скорректировать траекторию геополитической динамики России XIX в. Ту самую траекторию, движение по которой привело Российскую империю к 1 августа 1914 г. и последующему краху.

Читатель не найдет в этой книге последовательного и всестороннего описания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тем же, кто этим все-таки интересуется, советую обра-

⁸ Шолохов А.Б. Всадник на белом коне: Бурная жизнь и таинственная смерть генерала М.Д. Скобелева. Уфа: Восточный университет, 1999. С. 118.

⁹ <http://wap.tsushima.b.qip.ru/?1-14-0-00000015-000-0-0>

¹⁰ Кравченко С.И. Кривая империя. Правдивый курс истории Государства Российского. М.: Яуза, ЭКСМО, 2007. С. 543.

таться к уже упоминавшимся работам. В особенности рекомендую ознакомиться с монографиями А.Б. Широкограда¹¹.

У нас же будут иные цели. Мы пойдем по следам «Турецкого гамбита» и постараемся разобраться в загадках и острейших вопросах той войны. И прежде всего, направимся по путям двух узловых проблем, на которых Б. Акунин столь удачно сфокусировал внимание читателей и зрителей.

Плевна и Константинополь – вот их названия.

Автор выражает огромную благодарность тем людям, без помощи которых эта книга вряд ли бы появилась на свет:

А. И. Карасину (The University of Wisconsin, Madison, USA);

Т. Ю. Красовицкой (Институт российской истории РАН);

А. В. Кривошееву (ОАО «Вымпелком»);

В. П. Лияскину (ГлавУпДК при МИД РФ);

Н.Л. Силину (консультант).

Оформление обложки, компьютерная обработка карт выполнены **А.В. Кривошеевым**; перевод текстов с французского – **Э.И. Орловой**.

¹¹ Широкоград А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003. *Его же*: Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005.

Часть I

Плевна

Боевые действия под Плевной в июле – ноябре 1877 г. оказались для русской армии настоящей подножкой. И в таком смысле – это действительно был гамбит (французское «*gambit*» от итальянского «*dare il gambetto*» – дать подножку). Своей самоотверженной обороной защитники Плевны на четыре месяца сковали превосходящие силы русской армии, что в немалой степени предотвратило самый худший для Турции сценарий развития войны – быстрый прорыв русских войск к Константинополю и черноморским проливам. Утверждение Российской империи в этом регионе являлось кошмаром не только двору султана, но и доброй половине политиков Европы. Но подобное окончательное решение Восточного вопроса в духе Екатерины Великой не состоялось и было отложено. И как показала история – отложено навсегда.

Так понимаемый «гамбит» начал складываться в результате действия как минимум четырех факторов:

1. Недальновидных решений, просчетов и нерешительности в планировании и управлении боевыми действиями, допущенными командованием русской армии.
2. Самоотверженной борьбы турецких войск и мусульманского населения Плевны во главе с Османом-пашой.
3. Расположения противоборствующих сил на театре военных действий в июне – июле 1877 г.
4. Стечения обстоятельств. Порой даже можно говорить и о «его величестве случае». Ведь на войне, где человеческие страсти и энергия сконцентрированы и динамичны как, пожалуй, нигде более, а цена принимаемых решений есть сама жизнь, этот фактор проявляет себя в полной мере.

Вот так прямо начинаем с выводов? А почему бы и нет? По крайней мере, содержание первых трех пунктов хорошо известно в историографии русско-турецкой войны. Так зачем же его скрывать? Пусть сразу будет перед глазами читателей, я же постараюсь сверить изложенные положения с конкретными событиями балканской кампании и пойти дальше.

А начнем мы с некоторых довольно сухих фактов. Без них, однако, трудно будет как понять феномен Плевны, так и осознать весь драматизм ситуации бездарно упущенных возможностей финала той русско-турецкой войны.

Глава 1

«Уж больно гладко началась эта война»

12 (24) апреля 1877 г. Россия объявила Турции войну. В этот же день подразделения ее армии перешли границу все еще подвластной султану Румынии.

Выдающийся немецкий военный историк Ганс Дельбрюк в свое время выдал хороший совет: «Военно-исторические исследования... лучше всего начинать с подсчета численности войск»¹². Вот этому совету я и последую.

К началу июня русская группировка в Румынии включала VIII, IX, XI, XII и XIV армейские корпуса, в первой половине июня ожидалось прибытие XIII, а в начале июля IV. Вместе с частями, не входившими в состав указанных корпусов (стрелки, резервные батальоны, болгарское ополчение, часть кавалерии, саперы и др.), общая наличная численность группировки к середине июня, по данным полевого штаба, составила **257 215** человек¹³.

Что касается сил противника на театре военных действий, то здесь полевой штаб русской армии располагал не только общими данными, но и сведениями о количестве турецких войск в отдельных пунктах. Согласно им, наличная численность турецких сил к 1 (13) июня составляла около **160 000** человек, причем **разбросаны они были на пространстве от Дуная до Константинополя и от Черного моря до границ Сербии**¹⁴¹⁵.

10–11 (22–23) июня XIV корпус русской армии под командованием генерал-лейтенанта А.Э. Циммермана форсировал Дунай в его низовьях у Галаца – Браилова. А 15 (27) июня уже в среднем течении Дуная у Зимницы – Систова началась переправа на южный берег основных сил русской армии. Здесь после упорного боя авангард овладел береговыми высотами и городом Систовом.

Операция по форсированию Дуная развивалась вполне успешно. К концу июня русская армия на южном берегу Дуная насчитывала до 125 000 человек. Из них большая часть была сосредоточена под Систовом, а меньшая – в низовьях Дуная. Расстояние между двумя русскими группировками по прямой было около 320 км. Между ними в районе четырехугольника крепостей (Силистрия – Руцук – Шумла – Варна) располагалась восточная группировка турецкой армии. К западу же от систовской переправы наиболее крупные турецкие силы находились в Никополе и Видине. По фронту на направлении главного наступления русских – Систово – Тырново – балканские перевалы – Адрианополь – Константинополь – группировки турецких войск были сильно разбросаны, а их численность вплоть до середины июля 1877 г. была весьма незначительной.

Такие выводы основывались на данных, собранных перед началом войны полковником Генерального штаба Н.Д. Артамоновым¹⁶. Эти данные в основном совпадали с подсчетами

¹² Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 1. СПб., 1994. С. 36.

¹³ Из 257 215 человек: 188 115 – пехоты, 32 837 – кавалерии, 29 293 – артиллерии, 6970 – инженерных войск. См.: Мартынов Е. Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб., 1900. С. 2.

¹⁴ А.Н. Куропаткин определял численность турецкой армии на Балканском театре к началу войны в 186 000 человек. См.: Куропаткин А.Н. Ловча, Плевна и Шейново (из истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). СПб., 1881. С. 24. Печально известный по опыту руководства Маньчжурской армией в годы войны с Японией (1904–1905 гг.) А.Н. Куропаткин в годы русско-турецкой войны – офицер для поручений при штабе действующей армии, затем начальник штаба 16-й пехотной дивизии, где был ближайшим помощником М.Д. Скобелева. Отличился в сражениях под Ловчей, Плевной и при переходе через Балканы. См.: Куропаткин А.Н. Русская армия. СПб.: Полигон, 2003. С. 3–4.

¹⁵ Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 12. СПб., 1899. С. 152; Особое прибавление к описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. IV. СПб., 1901. С. 32.

¹⁶ При определении численности турецких вооруженных сил российское военное министерство, как правило, исходило из следующих соотношений: табор (батальон) пехоты – 650 штыков, эскадрон – 100 сабель, батарея – 100 чел. В действительности

французского военного агента полковника Торси, который находился в то время при турецкой армии и вел подробный учет ее сил¹⁷.

В Константинополе общая численность войск составляла всего 12 900 человек. **Таким образом, в рассматриваемый период османская столица оставалась практически беззащитной.**

С началом военных действий ситуация начала быстро меняться, и русское командование стало испытывать постоянный дефицит оперативной разведывательной информации. Многие ошибочные решения командования русской Дунайской армии были продиктованы именно этим фактором.

На театре военных действий данные разведки могли поступать по четырем основным каналам: по линии внедренной агентуры, от местных христианских жителей, турецких пленников и по результатам действий кавалерийских рейдов. Общее руководство службой разведки еще до начала войны было возложено на плечи полковников Генерального штаба Н.Д. Артамонова, Г.И. Бобрикова, П.Д. Паренсова. И в этом выборе командование русской армии не ошиблось. В 1880 г. генерал-лейтенант Н.Н. Обручев отметил, «что при открытии войны расположение турок было известно почти батальон в батальон»¹⁸.

Главкомандующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич, прежде чем начать наступление за Балканы, решил обезопасить фланги, еще более разобщить восточные и западные части турецкой армии и тем самым упрочить положение единственной переправы у Зимницы – Систова.

На первый взгляд вполне логично, если принять во внимание расположение сил противоборствующих сторон в июне – июле 1877 г. Как позднее писал участник той войны А.Н. Куропаткин, корпуса, переправившиеся у Систова, расходились «всеером, расширяя район действий в Болгарии и ища встречи с противником»¹⁹. В то же время подобное распыление сил в условиях отсутствия мощного стратегического резерва, сосредоточенного в Румынии и готового к переправе через Дунай, могло резко ограничить возможности для массированных наступательных действий по центру – в направлении Константинополя.

22 июня (4 июля) формируются два отряда: Рушукский (основа – XII и XIII корпуса) во главе с наследником престола цесаревичем Александром Александровичем для действий на левом фланге и Западный (основа – IX корпус) под руководством командующего IX корпусом генерал-лейтенанта Н.П. Криденера для действий на правом.

По состоянию на конец июня 1877 г., приблизительная наличная численность отрядов составляла: Рушукского – 60 тысяч, Западного – 30 тысяч. При этом численность Рушукского отряда на правом берегу Дуная не превысила 55 тысяч человек. Это было связано с тем, что приданная отряду часть XI корпуса (бригада пехоты и бригада кавалерии) была оставлена на левом берегу для прикрытия 155-километрового участка между Рушуком и Силистрией и составила отдельный отряд под командованием генерал-лейтенанта Аллера²⁰.

Одновременно командование принимает решение предварить массированное наступление за Балканы «освящением местности» по центру с захватом стратегически важных горных перевалов. С этой целью 18 (30) июня формируется Передовой отряд под командованием гене-

сти же численность турецких пехотных батальонов оказалась гораздо ниже и нередко доходила до 250 и даже 100 чел. См.: Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. I. СПб., 1901. С. 32–33.

¹⁷ Сборник материалов... Вып. 12. С. 45–59, 70–71. См. также: Епанчин Н. Война 1877–78 гг. Действия передового отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб., 1895. С. 1. Мартынов Е. Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб., 1900. С. 4–5. Особое прибавление... Вып. IV. СПб., 1901. С. 32.

¹⁸ Особое прибавление... Вып. IV. С. 75.

¹⁹ Куропаткин А.Н. Ловча, Плевна и Шейново (из истории Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). СПб., 1881. С. 6.

²⁰ Расчет численности сделан автором на основании данных полевого штаба армии. См.: Сборник материалов... Вып. 1. СПб., 1900; Сборник материалов... Вып. 2. СПб., 1898; Сборник материалов... Вып. 12.

рал-лейтенанта И.В. Ромейко-Гурко²¹. В отряд было назначено 5800 человек пехоты, включая 6 дружин (2,5 тысячи человек) болгарского ополчения во главе с генерал-майором Н.Г. Столетовым, 5 тысяч конницы и 40 орудий²².

Полностью части отряда Гурко переправились на южный берег Дуная к 22 июня (4 июля). Последней – Кавказская сводная казачья бригада полковника И.Ф. Тутолмина. Но еще ранним утром 21 июня (3 июля) Тутолмин получил приказ полевого штаба армии, согласно которому вверенная ему бригада передавалась в распоряжение генерала Криденера, как только его IX корпус переправится через Дунай. А до того времени бригада поступала «в ведение» генерал-майора Баранова, начальника 35-й пехотной дивизии XIII корпуса. Вот так еще до начала боевых действий отряд Гурко понес первые потери. А это, между прочим, составляло около 1300 человек конницы при одной конно-горной батарее. Поэтому фактически Передовой отряд мог продолжить движение к Балканам, имея в своем составе 5800 человек пехоты, 3700 – конницы и 32 орудия²³.

В решении поставленных отряду задач особая роль отводилась конным частям. Еще перед войной в среде военных специалистов много говорили о значении дальних кавалерийских рейдов при поддержке конной артиллерии и пехоты. Это был, без преувеличения, мейн-стрим военной мысли того времени (подобно идеям использования танковых соединений в осуществлении стратегических наступательных операций перед Второй мировой войной).

По замыслу русского командования, после овладения балканскими проходами кавалерию надо было «выслать еще дальше вперед с целью поднять болгарское население, оказать ему поддержку и рассеять турецкие отряды, если бы таковые оказались в незначительных силах». И сеять... панику, панику и еще раз панику в стане врага. Ибо она – лучший союзник наступающих войск²⁴.

Обратим внимание на изначальную малочисленность Передового отряда в сравнении с Руцукским и Западным. Однако именно на его долю в июне – июле 1877 г. выпали самые активные наступательные действия стратегического значения. Операции отряда отличались высокой результативностью, основанной на той мобильности, которую придавала ему кавалерия.

Начав движение тремя колоннами, отряд Гурко вечером 25 июня (7 июля) захватывает Тырново. 30 июня (12 июля) отряд возобновляет наступление и начинает переход Балкан по труднейшему, но наименее защищенному Хаинкиойскому перевалу (Хаин-Богаз). Уже вечером 1 (13) июля Гурко был на его южной стороне. В этот день он пишет главнокомандующему, что планируемый захват двух балканских проходов и Казанлыка «неминуемо будет иметь очень сильное нравственное влияние на турецкое население; впечатление это отразится и на войске. Не воспользоваться этим впечатлением и не продвинуться далее, на Филиппополь

²¹ В состав Передового отряда были назначены следующие части. *Пехота*: 4-я стрелковая бригада генерал-майора Цвезинского, болгарское ополчение генерал-майора Столетова, 2 сотни пластунов, 1-я и 2-я пешие горные батареи. *Конница*: сводная драгунская бригада полковника Е.М. Романовского, герцога Лейхтенбергского (8-й Астраханский и 9-й Казанский драгунские полки, сводный гвардейский полускадрон, 16-я конная батарея); сводная конная бригада генерал-майора Н.М. Романовского, герцога Лейхтенбергского (9-й гусарский Киевский полк, 30-й Донской казачий полк, 10-я Донская конная батарея); Донская казачья бригада полковника Чернотубова (21-й и 26-й Донские казачьи полки и 15-я Донская конная батарея); Кавказская сводная казачья бригада полковника Тутолмина (2-й Кубанский казачий полк, Владикавказский осетинский полк, 1-я Донская казачья конно-горная батарея, Уральская казачья сотня и конно-пионерский отряд полковника графа Роникера, сформированный из кавказских, донских и уральских казаков, прошедших саперную подготовку в Журжево). См.: Епанчин Н. Война 1877–78 гг. Действия передового отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб., 1895. С. 2–3; Тутолмин И. Кавказская казачья бригада в Болгарии, 1877–1878 (Походный дневник). СПб., 1879. С. 54.

²² Епанчин Н. Указ. соч. С. 3.

²³ Тутолмин И. Кавказская казачья бригада в Болгарии. 1877–1878 (Походный дневник). СПб., 1879. С. 58–59. См. также: Епанчин Н. Указ. соч. С. 5.

²⁴ Епанчин Н. Указ. соч. С. 4.

или Херманлы²⁵, – было бы грешно. А, не обеспечив за собой проходы, сего сделать не возможно»²⁶.

Рано утром 2 (14) июля отряд Гурко выходит из тесного Хаинкойского ущелья в долину реки Тунджа и в скоротечных боях рассеивает мелкие турецкие отряды, численностью от одного до трех батальонов.

Далее на очереди были Казанлык и Шипка, поэтому путь лежал на запад. Однако всего в 25 км восточнее перевала Хаинкой, в Ени-Загре (Нова-Загоре) находились довольно значительные силы турок, которые могли угрожать тылам русского отряда. В штабе Гурко принимают решение прикрыться на этом направлении тремя сотнями казаков. Одновременно Гурко рассчитывал, что удастся убедить противника в том, что весь русский отряд движется именно на Ени-Загру.

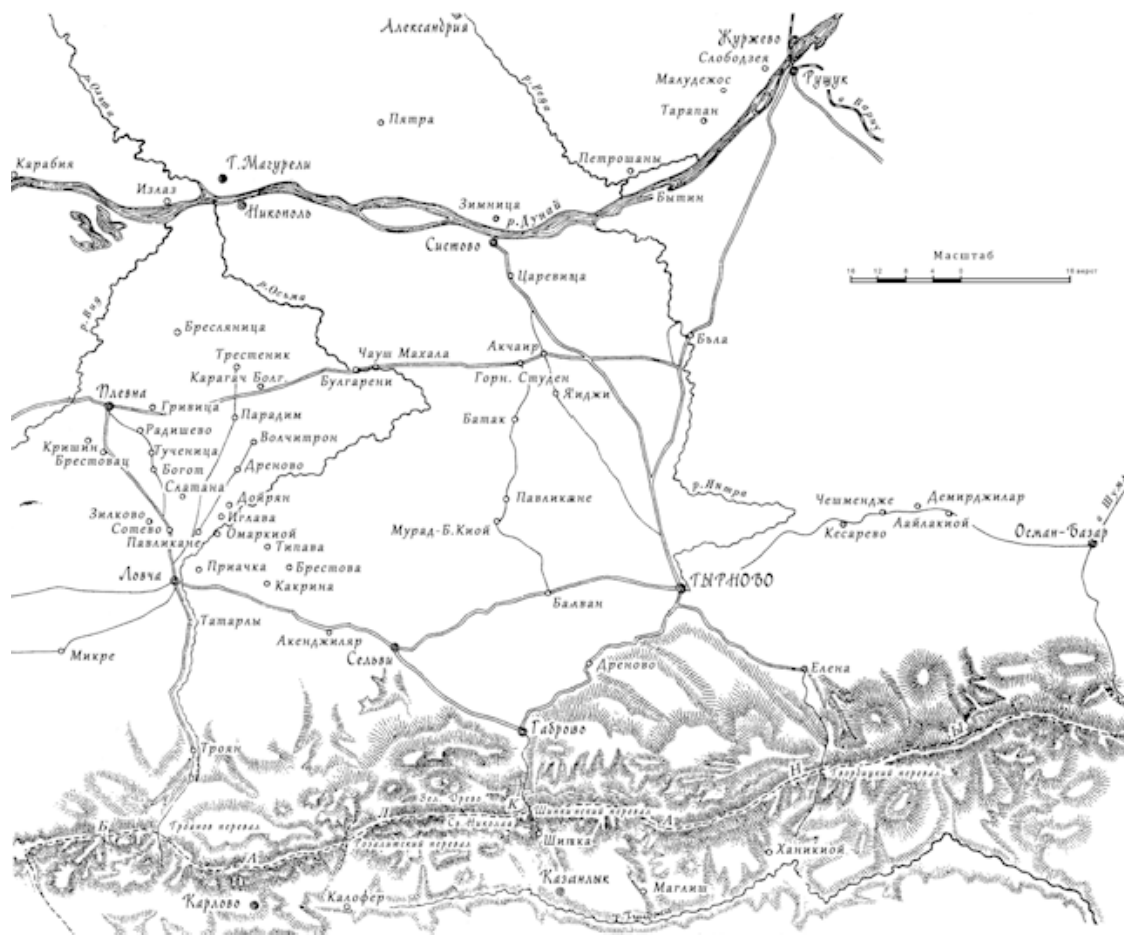
«Между тем, – вспоминал начальник штаба Передового отряда полковник Д.С. Нагловский, – турки сами помогли нам в деле введения их в обман насчет наших истинных намерений»²⁷. Около 16 часов 3 (15) июля двигавшиеся по дороге на Ени-Загру казаки заметили у деревни Орезари (Оризари) шедший им навстречу турецкий отряд силой до трех батальонов при двух орудиях. Завязался бой. Гурко выслал на помощь казакам казанских драгун полковника Корево с артиллерией и две дружины болгарского ополчения. Нужный эффект был достигнут. Ощутив возросшие силы противника, турки приняли их за авангард наступающего на Ени-Загру большого русского отряда и стали поспешно отходить, но были настигнуты и рассеяны. Таким образом, с востока план по захвату Шипкинского перевала был обеспечен.

Карта района боевых действий в июне – ноябре 1877 г.

²⁵ Херманлы, Семенлы, Тырново – станции на железной дороге Адрианополь – Филиппополь – Ямбол.

²⁶ Сборник материалов... Вып. 24. СПб., 1900. С. 36–37.

²⁷ Нагловский Д.С. Передовой отряд в последнюю турецкую кампанию. СПб., 1891. С. 14–15.

Этот, казалось бы, незначительный эпизод, тем не менее, весьма показателен. Он не просто отлично характеризует полководческие качества командира Передового отряда, но, что самое главное, иллюстрирует тип его военного мышления. Гурко стремился находить такие активные варианты действий, которые бы позволяли его отряду удерживать инициативу в своих руках и тем самым формировать в сознании противника нужный себе образ текущей военной реальности. Активными наступательными действиями Гурко просто заставлял противника плясать под свою дудку.

После боя у деревни Уфлани 4 (16) июля, где, как вспоминал один из его участников корнет А.П. Прянишников, «турки оказали довольно слабое сопротивление», части Передового отряда на следующий день с боем заняли Казанлык и с юга подошли к деревне Шипке у подножия перевала²⁸. Турки поспешно отступили на свои горные позиции. Киевские гусары полковника Корфа захватили лагерь, брошенный неприятелем у Шипки, а астраханские драгуны полковника Мацылевича перехватили транспорт с галетами, направлявшийся на перевал.

Этот факт во многом предопределил успех русского отряда. Дело было в том, что в батальонах Халюсси-паши, защищавших Шипкинский перевал, оставался скудный трехдневный рацион питания. И, как впоследствии писал начальник штаба сводной конной бригады подполковник Н.Н. Сухотин: «Запоздай конница Передового отряда к Шипке на полчаса – вся операция рейда генерала Гурко могла бы оказаться впустую»²⁹. Получив большой рацион галет, турки в количестве 8 таборов (около 5000 человек) при 12 орудиях с хорошим запасом боеприпасов «в крепкой, почти неприступной со всех сторон позиции», по оценке самого же Гурко,

²⁸ *Прягиныишиков А.П.* Запись того, что я помню о передвижениях и военных действиях 9-го драгунского Казанского полка в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. С. 14–15.

²⁹ Сухотин Н. Забалканский поход Передового отряда генерал-адъютанта Гурко в июне и июле 1877 года (Из сообщений 20 апреля и 7 мая 1877 года бывшего начальника штаба Эски-Загринского отряда) // Военный сборник. 1887. № 7. С. 47.

вполне могли продержаться недели две даже в окружении³⁰. А этого времени было бы достаточно до подхода с юга частей герцеговинской армии Сулеймана-паши, которая спешно перебрасывалась в Южную Болгарию и 7 (19) июля уже начала высадку в бухте Деде-Агача у Эноса.

Кстати, уже через месяц именно на шипкинских позициях роты 36-го Орловского и 35-го Брянского полков четыре болгарские дружины и две сотни казаков в течение трех дней будут успешно противостоять натиску значительно превосходящих сил Сулеймана-паши.

Тактический и психологический расчет Гурко оправдывался. Стремительные действия его отряда безусловно оказывали на турок «сильное нравственное впечатление»³¹. В итоге Передовой отряд захватил Хаинкойский перевал и с юга блокировал турецкие батальоны на Шипкинском перевале.

Тем временем 4 (16) июля к Шипкинскому перевалу с севера из Габрова подошел сводный отряд генерал-майора В.Ф. Дерожинского³². Дерожинский хотел дожидаться установления связи с Гурко и действовать согласованно. Однако в ночь с 4 (16) на 5 (17) июля в Габрово прибыл начальник 9-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н.И. Святополк-Мирский и «тотчас же сделал распоряжения об атаке Шипкинского перевала»³³. Но на следующее утро, после успешного начала, атака захлебнулась. Грохот этого боя на другой стороне перевала, у деревни Шипки, слышали солдаты Передового отряда.

На исходе 5 (17) июля Гурко размышлял над сложившейся весьма непростой ситуацией. Атака с севера на турецкие позиции была отбита. Дальнейшее продолжение, пусть даже согласованных с отрядом Дерожинского, атак неминуемо привело бы к огромным потерям с непредсказуемым результатом. Штурмовать же такую горную позицию в одиночку граничило с безумием. А просто оставаться на южном склоне перевала означало подвергнуть уже свой отряд опасности быть прижатым к горам с юга. Но обнадеживало другое – турки на перевале оказались все же блокированными, да к тому же без продовольствия и воды. Вот исходя из такого расклада, следующий день Гурко начал с... блефа.

Ранним утром 6 (18) июля он послал командиру турецкого отряда предложение «сдаться на капитуляцию». Одновременно для установления связи с отрядом Дерожинского отправил по горным тропам на северный склон перевала болгарина и выстрелами из пушек попытался заявить северному отряду о своем прибытии. Только после этого Гурко начал атаку с юга. Он послал на турецкие позиции два батальона стрелков и две сотни пластунов. Однако встречных действий с севера не последовало. Понеся в результате предпринятой накануне атаки большие потери, отряд Дерожинского отошел в Габрово. Отступили и солдаты Гурко, потеряв в бою 130 человек.

Но Халюсси-паша решил не дожидаться объединенного удара русских отрядов. Утром 7 (19) июля к позициям Гурко прибыл турецкий офицер с согласием своего командира сдаться. Гурко написал условия сдачи и послал вперед санитаров. Однако в условленное время сдаваться пришла лишь «небольшая партия турок». А вернувшиеся в полдень санитары сообщили, что «позиция у горы святого Николая очищена турками»³⁴. На блеф русского генерала турецкий паша ответил хитростью: в ночь с 6 (18) на 7 (19) июля он приказал оставить артиллерию, припасы, раненых и пробираться горными тропами на Филиппополь.

Таким образом, второй балканский перевал оказался в руках русской армии. Позднее Гурко так оценивал одну из причин успешного захвата перевалов:

³⁰ Сборник материалов... Вып. 24. С. 94.

³¹ Там же. С. 93.

³² В сводный отряд командира 2-й бригады 9-й пехотной дивизии генерал-майора В. Ф. Дерожинского входили 36-й пехотный Орловский и 30-й Донской казачий полки с артиллерией.

³³ Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. II. СПб., 1901. С. 14.

³⁴ Нагловский Д.С. Указ. соч. С. 19.

«Вообще, если мне удалось овладеть с 4 батальонами проходами, которые были защищаемы 24 батальонами, то единственно потому, что они (турки. – *И.К.*) хотели защищать их, расставив войска по проходам маленькими пикетами»³⁵.

Однако эта история с пикетами стала лишь звеном в цепи ошибочных решений Реуфа-паши, которому было поручено защищать балканские перевалы от Карлова до Ямбола. Протяженность этого участка составляла 75–80 км, а в распоряжении Реуфа-паши было около 22 тысяч человек³⁶. Однако силы эти оказались разбросанными.

Турецкого командующего явно дезориентировали набеги русской кавалерии в направлении на Сливно и Габрово, произведенные после занятия Тырнова. Вместо того чтобы с основными силами занять центральную позицию в районе Казанлыка или Ески-Загры (Стара-Загоры) и тем самым обеспечить себе возможность наиболее быстрого реагирования на попытки русских перейти Балканы по любому из перевалов, Реуф-паша посчитал, что противник предпочтет Сливненский проход или, в крайнем случае, Шипкинский. Поэтому больше всего турецких сил было именно на этих перевалах. Основной же резерв турецкий командующий стянул на юго-восток к Ямболу (13 батальонов), прикрывая, главным образом, Сливненский перевал. Более того, подобные действия турецкого паши резко ослабили важнейшее стратегическое направление – на Адрианополь. И вот, устроившись в такой позиции, Реуф-паша стал ожидать русского наступления.

Однако отряд Гурко прошел по Хаинкийскому перевалу, расположенному между Шипкинским и Сливненским. Этим маневром русские рассекли основные силы Реуфа-паши. А после захвата Казанлыка Гурко готов был и дальше пользоваться последствиями ошибки турецкого военачальника.

Тем временем у Реуфа появилась возможность исправить собственный просчет. Для этого нужно было срочно перевезти по железной дороге резерв из Ямбола в Ени-Загру и там сконцентрировать свои батальоны. Осуществив такой маневр, Реуф-паша с превосходящими силами мог бы реально угрожать правому флангу Гурко. Однако турецкий командующий не тронулся с места. Он решил дожидаться подхода частей корпуса Сулеймана-паши.

В условиях такой пассивности противника у быстро продвигавшегося русского отряда не было серьезных затяжных боев. Разрозненные турецкие части просто не успевали организовать эффективную оборону. Они не выдерживали открытого полевого боя и после непродолжительного сопротивления поспешно отходили, умножая и без того нешуточную панику, охватившую мусульманское население и государственные структуры Османской империи.

В результате эффективных действий своего отряда Гурко вручил командованию русской армии ключи к балканской двери на кратчайшем пути к Константинополю. Казалось бы, подтягивай резервы, поддерживай мобильность передовых частей, прикройся на флангах и вперед! – рискованный, но вполне разумный вариант, который требовал смелости, решительности и максимальной концентрации сил. Опыт действий Передового отряда говорил, да что там говорил, он просто кричал об этом! Быстрота и натиск делали свое дело. И победоносные перспективы такой стратегии прекрасно понимал Гурко.

Становилось очевидным, что именно **молниеносный характер наступления** даже относительно небольшого, но мобильного и хорошо организованного русского отряда, возглавляемого решительным и энергичным командиром, способен дать в руки командования русской армии мощнейшее оружие – психологическое. Надломленная воля врага компенсировала тысячи русских штыков и сабель. И в этом особенно преуспевала кавалерия. Анализируя ее

³⁵ Сборник материалов... Вып. 24. С. 270.

³⁶ *Епанчин Н.* Указ. соч. С. 24.

действия в отряде Гурко, подполковник Сухотин писал, что «...ни один род оружия не способен на такое возбуждение призраков и миражей, как конница»³⁷. Опытнейший дипломат граф Н.П. Игнатьев, находившийся при главной императорской квартире, писал в дни стремительного продвижения отряда Гурко:

«Турок надо бить безостановочно, не давая им перевести дух, в противном случае они делаются отважными, предприимчивыми и даже

настойчивыми»³⁸.

Опыт Передового отряда выявлял еще и то, что именно стремительный характер наступления позволял сокращать боевые потери русской армии и в определенной мере обеспечивать себя за счет захваченных запасов противника. Фактов тому предостаточно.

Главкомандующий турецкими войсками на Дунае Абдул-Керим-паша приказал пяти батальонам тырновского гарнизона держаться любой ценой до подхода высланного ему на помощь из Шумлы отряда Саффета-паши. Однако отступление гарнизона было так поспешно, что гражданский губернатор Тырнова Саиб-паша, по словам жителей, бежал из города пешком, даже не дождавшись лошади. Потери же отряда Гурко при взятии Тырнова состояли из двух раненых нижних чинов и 8 лошадей. Полковник Нагловский вспоминал:

«Ряд победоносных дел в долине Тунджи, бессвязные действия турок в этой долине и поспешное очищение ими Шипкинского перевала в ночь с 6 на 7 июля ясно свидетельствовали, что турки или не успели, или не сумели организовать оборону Балканских гор...»³⁹. В Тырнове отряду Гурко «достался весь турецкий лагерь», в котором русские «захватили большие боевые и продовольственные запасы». В Казанлыке войскам с турецких складов были розданы «мундирные вещи» и обувь, обнаруженные там в «значительном количестве».

7 (19) июля губернатор Филиппополя собрал представителей турецкого населения города и мусульманского духовенства. Собрание решило сдаться русским, если только они появятся у города⁴⁰.

О панике, воцарившейся в Константинополе после появления отряда Гурко у Балканских проходов, красноречиво свидетельствуют депеши канцелярии султана:

– 2 (14) июля – отряд Гурко выходит из Хаинкойского ущелья на южную сторону Балкан: *«Вследствие распространения неприятеля государство поставлено между жизнью и смертью»*;

– 4 (16) июля – победный бой Передового отряда у Уфлани: *«Овладение Адрианополем низведет Турецкую империю на степень Бухарского ханства»*;

– 9 (21) июля – отряд Гурко собирается в Казанлыке: *«Существование государства висит на волоске»*⁴¹.

Анализ переписки Гурко с полевым штабом армии в первых числах июля позволяет предположить, что в тот период главной заботой командира Передового отряда становится только одно: чтобы командование армии не упустило открывшиеся возможности и превратило бы действия его отряда в начало мощного наступления за Балканы.

³⁷ Сухотин Н. Указ. соч. С. 53.

³⁸ Игнатьев Н.П. Походные письма 1877 года. Письма к Е.Л. Игнатьевой с балканского театра военных действий. М.: РОССПЭН, 1999. С. 85.

³⁹ Нагловский Д.С. Указ. соч. С. 21.

⁴⁰ Сборник материалов... Вып. 24. С. 136.

⁴¹ Ахмед Мидхад-эфенди. Сборник турецких документов о последней войне. «Зубдетуль-Хакаи». СПб., 1879. (Приложение к Военному сборнику. №№ 4 и 5). С. 60. См. также: Епанчин Н. Указ. соч. С. 32–33, 111–112, 115, 248.

Но насколько то, что отчетливо понимал Гурко, находило отклик у его начальников?

Вперед на Константинополь, а за Рушуком приглядим

Главкомандующий русской Дунайской армией великий князь Николай Николаевич не блистал военными талантами. Однако и не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы разглядеть возникшие благоприятные возможности. В ночь с 26 июня (8 июля) на 27 июня (9 июля)⁴² он пишет Александру II:

«Неожиданно смелый захват Тырнова нашей удалой кавалерией под начальством молодца Гурко дает мне возможность принять план действий более смелый, чем я сперва предполагал. Я хочу теперь совсем бросить осаду Рушука, ограничившись лишь одним наблюдением за ним. Для этого назначаю XII и XIII корпуса, которые, заняв крепкую позицию на реке Янтре, будут, вместе с тем, охранять мой левый фланг. IX корпус выдвину к стороне Плевно и Ловчи для обеспечения правого фланга, а сам с VIII корпусом пойду вслед за отрядом Гурко на Тырново и далее за Балканы. Дойдя до Тырнова, я намерен приостановиться и обождать там прибытия XI корпуса, захватив до тех пор горные проходы лишь одними авангардами. Действуя таким образом, я надеюсь сберечь время, деньги и войска и принудить главные силы турок совсем бросить линию Рушук – Шумла – Варна и уйти за Балканы для защиты Константинополя. Если же турки перейдут в наступление к стороне р. Янтры, то, во 1-х, встретят там два корпуса (XII и XIII), а во 2-х, силы эти я всегда успею во время подкрепить»⁴³.

7 (19) июля Н.П. Игнатьев писал, что, по его мнению, Николай Николаевич будто бы предполагал заманить «Абдул-Керима в открытый бой перед осадой Рушука», а «неосторожным» движением части войск за Балканы «непомерно» растянул свои силы. По оценке Игнатьева, главнокомандующему «надо было наступать на Осман-Базар, принудить турецкую армию принять бой, разбить ее» и только тогда смело наступать за Балканы. Однако уже спустя три дня Игнатьев напишет, что «турки не хотят принимать ожидавшейся на р. Лом битвы» и уходят к Рушуку⁴⁴. Но ведь турки также могли уклониться от сражения и в случае наступления русских на Осман-Базар. В итоге – пустая потеря времени и ресурсов. Так что подобный сценарий вряд ли можно назвать перспективным. Да и сама трактовка намерений главнокомандующего здесь явно не точна.

Нацеленность на заманивание восточной турецкой группировки в открытое полевое сражение – неважно где, у Рушука или Осман-Базара, – предполагала перенос стратегических акцентов на левый фланг русской армии. Именно здесь были сосредоточены основные силы противника. Но как видим, в конце июня 1877 г. главнокомандующий стремился реализовать принципиально иной стратегический сценарий. Он стремился за Балканы, где было меньше всего турецких сил и откуда он мог реально угрожать османской столице. Нацеленность на этот план у Николая Николаевича была так сильна, что ей не помешало даже поступившее в то время сообщение, «что турки вышли в значительных силах из Рушука и наступают к Систову». 27 июня (9 июля) Николай Николаевич совершенно спокойно информировал об этом наступ-

⁴² В книге В.А. Золотарева «Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз восточного кризиса», изданной в 2005 г., на 279-й странице это письмо ошибочно датировано 9 (21) июля 1877 г.

⁴³ Сборник материалов... Вып. 2. С. 194–195; Особое прибавление... Вып. III. СПб., 1899. С. 50–51; Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. II. С. 184.

⁴⁴ Игнатьев Н.П. Походные письма... С. 110, 114–115, 118.

лении императора: «Что из этого выйдет – пока еще не знаю»⁴⁵. За Рушуком, как и за войсками всей восточной группировки противника, главнокомандующий предполагал наблюдать на оборонительных позициях. Сил для этого на левом фланге русской армии было достаточно, да и рельеф местности вдоль реки Янтры создавал естественную преграду и благоприятствовал возведению крепких оборонительных позиций.

Планируя наступление к Тырнову и далее за Балканы, главнокомандующий исходил из расчета, что XI корпус должен был переходить Дунай 2 (14) июля и за пять переходов достичь Тырнова. Фактический срок переправы XI корпуса совпал с расчетным. Таким образом, логично предположить, что масштабное наступление за Балканы великий князь планировал на 8–10 (20–22) июля 1877 г.

Некоторые позднейшие авторитетные исследователи русско-турецкой войны считали такой план наиболее эффективным в сложившейся к началу июля обстановке⁴⁶. Но это уже являлось пониманием *post factum*. А тогда... А вот тогда Александр II не согласился с представленным планом. Вечером 28 июня (10 июля) из Зимницы он отвечал брату:

«...не могу не выразить тебе моих опасений, что дальнейшее наступление за Балканы мне кажется слишком рискованным, пока значительные силы неприятеля у Рушука и под Шумлою не отступят из занимаемых ими сильных позиций, откуда они могут угрожать нашему левому флангу. То же можно сказать и про наш правый фланг, где у нас всего один IX корпус, пока Никополь еще в руках неприятеля, равно и Плевна».

Император также серьезно опасался, что после переправы трех бригад XI корпуса на левом берегу Дуная «почти ничего не останется до прихода IV корпуса». А на одних румын, как он писал, «рассчитывать много нельзя, и если турки бы решились сами перейти в наступление от Видина в Румынию, то могли бы угрожать нашим сообщениям»⁴⁷.

Дореволюционная и современная историография Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сюжет о том, как Александр II охладил наступательный пыл своего брата-главнокомандующего, рассматривала прежде всего с точки зрения альтернатив ведения войны. Но не менее интересен и другой вопрос: а как вообще было принято такое решение?

Если обратиться к журналу полевого штаба Дунайской армии и дневнику военного министра Д.А. Милютина, то картина вырисовывается весьма любопытная. 26 июня (8 июля), получив телеграмму главнокомандующего о занятии Тырнова, Александр II вечером того же дня извещает Николая Николаевича о своем желании увидеться с ним. И на рассвете 27 июня (9 июля) он мчится к главнокомандующему за Дунай в Царевец из Зимницы вместе с Милютиным. В 8 часов утра император прибывает в Царевец, где наедине беседует с великим князем. В это время Николай Николаевич и вручает императору текст своего «более смелого» плана. После завтрака и молитвы по случаю взятия Тырнова отрядом Гурко Александр II возвращается в Зимницу.

Этот челночный визит императора к брату-главнокомандующему за Дунай, как и их короткое совещание, происходил а фоне радостного воодушевления от победы 25 июня (7 июля) – взятия Тырнова. Александр II был в прекрасном расположении духа, и, что самое интересное, утром 27 июня (9 июля) он не возражал против смелого плана Николая Николаевича. Именно этим можно объяснить тот факт, что «по приказанию великого князя» на следующий день, 28 июня (10 июля), начальник полевого штаба Дунайской армии генерал-адъютант

⁴⁵ Сборник материалов... Вып. 2. С. 195.

⁴⁶ Так, в частности, считал генерал М.А. Домонтович (отец А.М. Коллонтай) – участник войны, впоследствии видный военный теоретик и историк, второй председатель образованной при Главном штабе Военно-исторической комиссии по сбору и изучению документов войны 1877–1878 гг. См.: Золотарев В.А. Противоборство империй... С. 279.

⁴⁷ Особое прибавление... Вып. III. С. 19–21.

А.А. Непокойчицкий в письме военному министру Милютину конкретизировал положения «более смелого» плана соответствующим расчетом движения различных частей армии. Он также отмечал, что «главнокомандующий полагал бы полезным придвинуть ныне же одну или две пехотные дивизии к армии, для усиления ее»⁴⁸.

Однако 28 июня (10 июля) ситуация в Зимнице начала резко меняться. До императорской главной квартиры стали доходить более подробные сведения о взятии Тырнова. И здесь, по словам Милютина, обнаружилось, что данное событие «вовсе не имело той важности, которую ему сгоряча придали по первой телеграмме». В то же время поступила «прискорбная телеграмма» от главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича о снятии осады Карса, общем отступлении русской армии к государственной границе и переходе на кавказском театре военных действий к обороне в ожидании подкреплений из России. А поздно вечером Милютин зачитал государю полученное им письмо Непокойчицкого.

Вот теперь, представив такой, не внушающий оптимизма информационный фон вечера 28 июня (10 июля) – дня, когда Милютину исполнился 61 год, – предоставим слово самому военному министру:

«Я воспользовался случаем, чтобы представить государю некоторые соображения относительно составленного великим князем плана действий, по моему мнению, крайне рискованного и даже безрассудного. Видно, мои объяснения произвели свое действие, потому что государь вчера же поздно (т. е. 28 июня (10 июля). – И.К.) написал в этом смысле письмо главнокомандующему»⁴⁹.

В каком «смысле» было это письмо, мы уже знаем.

Итак, утром 27 июня (9 июля), слушая изложение «более смелого» плана главнокомандующего, Александр II возражений не высказывает, однако вечером 28 июня (10 июля), наедине уже с Милютиным, он этот план отвергает и письменно уведомляет об этом великого князя.

Что это? Плод более глубокого размышления? Наверное, ведь, как признавался сам Александр II, он, выслушав соображения брата, «с тех пор... много об этом думал...»⁵⁰. Но что реально изменилось? Осложнилась ли обстановка для русской армии? Нет. На дунайском театре военных действий для русских ухудшилась не текущая реальность, а только лишь представления о тенденциях ее развития в сознании военного министра и императора. Представления же эти сформировались под воздействием печальных сообщений, поступивших к вечеру 28 июня (10 июля). В результате выбор был сделан в пользу предотвращения лишь опасений, т. е. того, что еще только могло случиться. А ведь могло и не случиться, при условии смелого формирования иной, выгодной реальности путем решительной поддержки уже осуществляемых успешных наступательных действий.

О многом говорит ответ Николая Николаевича, направленный Александру II из Поликраешти вечером 29 июня (11 июля):

«В моем новом плане действий я отнюдь не намеревался и не намерен двигаться далее за Балканы, *пока не узнаю, что будет делать*

неприятель (курсив мой. – И.К.)».

А «пока не узнаю», то: 1) занятием одного или двух балканских проходов «хочу ограничиться»; 2) пехотные дивизии VIII корпуса остаются на севере Балкан (9-я – в Тырнове и Габрове, 14-я – у Боруша); 3) далее же – действовать по обстоятельствам, «когда... найду возможным и нужным воспользоваться успехом, бывшем в Тырнове».

⁴⁸ Сборник материалов... Вып. 25. СПб., 1899. С. 18.

⁴⁹ Милютин Д.А. Дневник. 1876–1878. М.: РОССПЭН, 2009. С. 258.

⁵⁰ Особое приращение... Вып. III. С. 19.

Такой новый алгоритм действий был представлен императору спустя всего двое суток после изложения ему «более смелого» плана наступления.

Потеря стратегической инициативы и попадание в зависимость от действий противника при таком мышлении главнокомандующего были просто неизбежны. Николай Николаевич явно попытался дезавуировать «смелость» своего плана, поэтому просимые им дополнительные дивизии были представлены в письме как необходимые не для укрепления резервов армии, а для охраны «своего возлюбленного Императора»⁵¹.

Упущенная победа

«Знаете, Фандорин, у меня какое-то нехорошее предчувствие: уж больно гладко началась эта война». Так в фильме «Турецкий гамбит» комментирует начальный период военных действий жандармский генерал Мизинов⁵².

8 (20) июля к Казанлыку стягиваются все части Передового отряда, а Шипкинский перевал занимают роты 36-го Орловского пехотного полка из бригады генерал-майора Дерожинского.

Утром того же дня Гурко принимает решение дать войскам трехдневный отдых и 12 (24) июля перейти в наступление в долину реки Марица. Сначала «план наступления был принят лишь в принципе»⁵³. В тактических целях Гурко предполагал определиться по ходу наступления: или на Ени-Загру (Нова-Загору), или далее на юг – на железнодорожный узел Тырново – Семенли. Итоговой же целью наступления должен был стать Адрианополь. Два письма с изложением этого плана и просьбой о подкреплениях он 8 (20) июля отправляет главнокомандующему.

Гурко напоминал великому князю, что в его распоряжении мало пехоты и страшно измотанная кавалерия, а Кавказскую бригаду полковника Тутолмина ему так и не вернули. «... Посему прошу ваше высочество, – писал Гурко, – придать мне регулярную бригаду 13-й кавалерийской дивизии и возвратить мне 30-й казачий полк»⁵⁴. Просил также Гурко и одну пешую 9-фунтовую батарею, которой хотел усилить своих стрелков. Одновременно он рассчитывал на поддержку батальонов 9-й пехотной дивизии, прибывающих в район Габрово и Шипкинского перевала. Получив подкрепления и «оставив в Казанлыке часть болгар с 8 горными орудиями», остальные войска Гурко намеревался двинуть в наступление. «Промешкаю я здесь день, – писал Гурко главнокомандующему, – и могу лишиться всех выгод моего настоящего, грозного для турок, положения»⁵⁵.

Строя планы дальнейшего решительного наступления, Гурко серьезно рисковал. Но этот риск был оправдан. Он писал:

«Стоя на месте, мы ничего не достигнем, напротив рискуем все потерять: турки несомненно опомнятся от страха... и, перейдя в наступление в значительно превосходных силах, без сомнения, вытеснят нас из долины Тунджи. Напротив того, перейдя тотчас в дальнейшее наступление, мы имеем шанс нанести туркам еще несколько поражений и во всяком случае можем отодвинуть их дальше от проходов и тем выиграть время. При дурном же

⁵¹ Там же. С. 51–52.

⁵² Фамилия Мизинов явно созвучна фамилии Мезенцев. Н.В. Мезенцев являлся шефом Отдельного корпуса жандармов и начальником Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. В начале кампании Мезенцев находился в действующей армии при особе императора.

⁵³ Епанчин Н. Указ. соч. С. 117.

⁵⁴ 30-й Донской казачий полк был оставлен Гурко в Габрове для действий против турецких войск на Шипкинском перевале в составе отряда генерал-майора Дерожинского, но затем не был возвращен в Передовой отряд и получил другое назначение.

⁵⁵ Сборник материалов... Вып. 24. С. 96.

исходе наступления, отряд, пользуясь превосходством в кавалерии, всегда может благополучно отойти к Казанлыку и перейти к пассивной обороне Шипкинского перевала»⁵⁶.

«Главное – не дать им нас пересчитать» – эту фразу на Праценских высотах во время битвы при Аустерлице 20 ноября (2 декабря) 1805 г. бросил полковник Пузе. Его 10-й полк легкой пехоты в составе частей дивизий Сент-Илера и Вандамма буквально вломился туда, оттеснив русские батальоны⁵⁷. На глазах у численно превосходящего противника французы овладели ключевой позицией всей битвы, что явилось главным действием на пути к величайшей победе их императора. Спустя семьдесят лет лейтмотив французского полковника стал не менее актуальным для русского генерала Гурко, в руках у которого оказался свой ключ к победе – балканские перевалы.

Но ответ Александра II уже был доставлен Николаю Николаевичу. И за «стоп-приказом» русского главнокомандующего последовало его логическое развитие. В «Описании Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове», подготовленном Военно-исторической комиссией Главного штаба, читаем:

«...вследствие замечаний императора Александра, решено было, прежде всяких дальнейших действий за Балканами, выждать прибытия не только XI, но и IV корпуса, который мог собраться на правом берегу Дуная только в половине июля»⁵⁸.

Очевидно, что подобное изменение планов должно было, прежде всего, отразиться на судьбе Передового отряда.

Если рассматривать послания командования в адрес Гурко, то нельзя не заметить, что в них явно появлялись новые нотки. Так, если 4 (16) июля Непокойчицкий еще сообщает Гурко, что «ввиду приближения войск XI корпуса и 13-й кавалерийской дивизии (из состава XIII корпуса. – И.К.) главнокомандующий “изволил признать возможным двинуть в проходы Балкан на поддержку вашего отряда всю 9-ю пехотную дивизию”⁵⁹», то уже 8 (20) июля сам великий князь пишет Гурко:

«На перевале Хаинкиой будет 1-я бригада 9-й дивизии; 14-я дивизия и я пока в Тырнове, двинуться пока не могу вперед, пока не раскроется или объяснится дело с Рушуком. Об общем движении вперед дам тебе знать в свое время. Собирай сведения о неприятеле возможно подробно и доноси чаще»⁶⁰.

И... восхваления, восхваления в адрес Гурко и его отряда...

А ведь только неделю назад Николай Николаевич намеревался «совсем бросить осаду Рушука»! Гурко, разумеется, не был осведомлен ни о «смелом плане» главнокомандующего, ни о реакции на него императора. Но трудно было не почувствовать, что Николай Николаевич чем-то серьезно озабочен. Вечером 8 (20) июля, уже после того, как два письма с изложением плана дальнейших действий Передового отряда были направлены главнокомандующему, до штаба Гурко доходят первые сведения о месте высадки корпуса Сулеймана-паши и его дви-

⁵⁶ Епанчин Н. Указ. соч. С. 117.

⁵⁷ Соколов О.В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг. Т. I. М.: Русский культурный фонд «Империя Истории», 2006. С. 44.

⁵⁸ Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. III. Ч. I. СПб., 1904. С. 2–3.

⁵⁹ 9-я пехотная дивизия генерал-лейтенант Н.И. Святополк-Мирского, входившая в состав VIII корпуса (командующий – генерал-лейтенант Ф.Ф. Радецкий), включала: 1-ю бригаду генерал-майора И.А. Борейши (33-й Елецкий и 34-й Севский пехотные полки – всего 6 батальонов) и 2-ю бригаду генерал-майора В.Ф. Дерожинского (34-й Брянский и 36-й Орловский пехотные полки – также 6 батальонов). Численность дивизии по состоянию на 16 (28) июля 1877 г. составляла 11 950 человек. См.: Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 1. СПб., 1900. С. 14.

⁶⁰ Сборник материалов... Вып. 24. С. 51, 92; Епанчин Н. Указ. соч. С. 121–122.

жении к Адрианополю. Немедленно Гурко начинает планировать встречное наступление. Но утром 9 (21) июля он получает, написанное накануне, письмо Николая Николаевича...

Для Гурко становилось очевидным, что в то время, как он был настроен на понимание роли своего отряда как авангарда быстро наступающей армии, эта самая армия притормаживала, оставалась за Балканами, а ее главнокомандующий вместо своевременных резервов посылал ему советы «с пехотой далее Тунджи» не идти, «шнырять по всем направлениям кавалерией» и собирать сведения о противнике. И это в тот момент, когда за Балканами выпадал реальный шанс разбить противника по частям.

Первые сведения о переброске на театр военных действий турецкого корпуса из Черногории дошли до полевого штаба армии 2 (14) июля. Силы корпуса оценивались в 25–30 тыс. человек⁶¹. Сами же турки определяли силы Сулеймана-паши в 20–22 тыс. пехоты и около 1 тыс. кавалерии⁶². Полковник Торси и вовсе ограничивал силы герцеговинского корпуса 20 тысячами⁶³. Пунктом назначения переправляемых турецких частей, по одним донесениям, являлся Адрианополь, по другим – Варна. Полевой штаб русской армии склонялся ко второму варианту и рассчитывал при этом на усиление именно восточной группировки турок в четырехугольнике крепостей.

Однако 8 (20) июля в полевом штабе армии было получено известие, что «турецкие войска Сулеймана-паши, отправляемые морем из Антивари, высаживаются в устье реки Марицы у Эноса и направляются к Адрианополю»⁶⁴. После высадки Сулейман-паша времени даром не терял. Уже 9 (21) июля он с двумя таборами прибыл в Адрианополь и решил перебросить свои силы по железной дороге в Карабунар – станцию на пути из Тырнова – Семенли в Ямбол. 10–13 (22–25) июля части Сулеймана начали стягиваться в Карабунар. Для русских ситуация окончательно прояснилась: герцеговинский корпус предназначался для прикрытия линии Адрианополь – Константинополь и контрудара по прорвавшимся за Балканы русским отрядам. На Передовой отряд надвигалась серьезная угроза.

В то же время в среде русского командования начинала нарастать тревога за последствия сложившегося расположения частей армии. Так, 10 (22) июля Дерожинский писал Радецкому:

«...переход через Дунай вскружил нам голову, и мы начали слишком пренебрегать турками; как бы не заплатить за чрезмерную разбросанность войск» (курсив мой. – И.К.)⁶⁵.

Вот тут-то в гораздо большей степени, чем письмо императора, в ход войны вмешалась Плевна. Даже не столько сами события под Плевной, как таковые, сколько их оценка русским командованием и принятые на этой основе решения.

10 (22) июля Гурко получает письмо от начальника штаба армии, отправленное ему накануне. Непокойчицкий извещал о неудаче, постигшей части IX корпуса при столкновении с превосходящими силами Османа-паши под Плевной. Обрисовав принятые в связи с этим изменения в дислокации частей армии, начальник штаба писал:

«В этом положении при неразъяснении, какой оборот дела примет наступление противника от Плевно, великий князь полагает необходимым, чтобы ваше превосходительство не удалялись с пехотой далее Казанлыка,

⁶¹ Сборник материалов... Вып. 25. С. 32.; Описание Русско-турецкой войны... Т. II. Ч. I. СПб., 1904. С. 14.

⁶² Спустя пять месяцев, в самом начале января 1878 г., после поражения под Филиппополем Сулейман-паша был обвинен в государственной измене и арестован. Судили его, что называется, «по совокупности» и припомнили все, в том числе действия Сулеймана против отряда Гурко в июле 1877 г. 20–22 тыс. пехоты и около 1 тыс. кавалерии – именно такие данные о численности корпуса, прибывшего из Черногории, были оглашены на судебном процессе. См.: Военный сборник. 1879. № 1. С. 143.

⁶³ Сборник материалов... Вып. 12. С. 53.

⁶⁴ Описание Русско-турецкой войны... Т. III. Ч. I. С. 14.

⁶⁵ Сборник материалов... Вып. 24. С. 114.

наоборот, на случай неблагоприятного исхода дел быть готовым занять пехотой проход и тем освободить части 9-й пехотной дивизии для другого направления»⁶⁶.

Итак, для Гурко угроза со стороны Сулеймана-паши усиливалась фактором «Плевны». Письмо Непокойчицкого обрекало Передовой отряд на пассивное прикрытие проходов в ожидании турецкого наступления. В представлении же Гурко распоряжения штаба армии вели не только к полной потере инициативы и достигнутых успехов, но, в случае наступления противника, подталкивали его отряд в смертельную ловушку.

10 (22) июля в письме к главнокомандующему Гурко соглашался, что «движение на Адрианополь было бы безумием» в новых условиях. Однако он не оставлял планов активных наступательных действий и просил «притянуть» к Казанлыку прибывшую к Хаинкийскому перевалу 1-ю бригаду 9-й пехотной дивизии генерал-майора И.А. Борейши⁶⁷. Силы бригады на тот момент состояли из шести батальонов пехоты, двух батарей четырехфунтовых орудий и полутора сотен казаков.

Равнинная казанлыкская позиция у подножия отвесных гор при узкой долине реки Тунджи, по мнению Гурко, была слишком уязвима. Поэтому действия своего отряда совместно с бригадой генерала Борейши он предполагал перенести южнее – в район Эски-Загры (Стара-Загоры). Туда же – и защиту Шипкинского перевала⁶⁸. Предлагая убрать бригаду Борейши с Хаинкиоя, Гурко прекрасно понимал, что этим действием перевал фактически сдавался туркам. Но такой жертвой он добивался концентрации сил двух отрядов и тем самым укреплял оборону гораздо более перспективного перевала – Шипкинского. Выполняя замысел Гурко, 10 (22) июля Казанский драгунский полк с сотней казаков и взводом конной артиллерии занял Эски-Загру.

Именно из этого города 12 (24) июля начинаются разведывательно-диверсионные набеги конницы Передового отряда. Как видно из донесений Гурко главнокомандующему, в течение шести июльских дней, с 9 (21) по 15 (27), он все еще пребывал на распутье: ударить ли по Реуфу-паше в Ени-Загре на востоке или же сразу двинуться вперед на юг⁶⁹. Уже не дни – неумолимо летели часы, и Гурко понимал, что обстоятельства принуждают его выбрать первый вариант, хотя он сам склонялся ко второму. Уж больно заманчивая открывалась перспектива. На основании сведений об активной подготовке к перевозке частей корпуса Сулеймана-паши в штабе отряда сначала предположили, что концентрироваться эти части будут у моста Тырново – Семенли под прикрытием реки Марицы. Исходя из этого, Гурко планировал овладеть железнодорожным узлом Тырново – Семенли, не дать сосредоточиться прибывающим по железной дороге частям Сулеймана-паши и разбить их по частям. И для этого, как писал Гурко великому князю, «не потребуется больших сил»⁷⁰.

Еще раз: что предлагал командованию армии Гурко? Снять большую часть сил с перевалов, укрепить ими свой отряд и перейти в наступление на еще не сосредоточенную армию противника. Таким образом, удержание захваченных балканских перевалов начиналось бы не с пассивной обороны, а с активного наступления. Бонапарт и Суворов аплодировали бы И.В. Гурко.

Но 9 (21) и 10 (22) июля Гурко получил два не внушавших оптимизма письма Николая Николаевича и Непокойчицкого. А 11 (23) июля начальник штаба армии известил командира Передового отряда, что «для обеспечения правого фланга и тыла войск, занимающих Габрово

⁶⁶ Епанчин Н. Указ. соч. С. 123.

⁶⁷ Сборник материалов... Вып. 24. С. 113.

⁶⁸ Там же. С. 124.

⁶⁹ Там же. С. 123–125, 137–139.

⁷⁰ Там же. С. 138.

и Шипку, направлен один полк (35-й Брянский. – И.К.) 2-й бригады 9-й пехотной дивизии от Габрова на Сельви»⁷¹. Вместе с полком в Сельви направилась и 3-я батарея 9-й артиллерийской бригады. Таким ходом штаб армии хотел подстраховаться на случай наступления Османа-паши через Ловчу на Сельви и Габрово для удара в тыл русским войскам на Шипке.

Однако передвинутый в сторону Сельви Брянский полк ровным счетом ни на что там не влиял и бездействовал, тем временем как Габровский отряд был этим маневром ослаблен. Это был порочный ход по принципу затыкания дыры там, где еще и трещина не появилась. Штаб русской армии начинал нервно действовать под грохот «турецких барабанов» Османа-паши. Прямым же результатом этого явилось дальнейшее растягивание русских сил и их ослабление на южном фронте, где к тому времени разыгрывались главные события. Ведь было же совершенно очевидно, что Габровский отряд стоял за спиной Гурко и быстрее всего мог поддержать его своими батальонами, на что командир Передового отряда явно рассчитывал.

На следующий день, 12 (24) июля, Непокойчицкий сообщил Гурко, что «Великий Князь Главнокомандующий... не считает возможным перемещать ныне 1-ю бригаду 9-й пехотной дивизии от Хайнкиоя»⁷². Таким образом, в просьбе Гурко о присоединении к нему этой бригады было отказано. И только 14 (26) июля великий князь все же «признал возможным» отдать эту бригаду в распоряжение Гурко. На следующий день помощник начальника штаба армии генерал-майор К.В. Левицкий подтвердил это решение главнокомандующего и одновременно известил Гурко, что просимая им 9-фунтовая батарея «назначена» в его распоряжение и вечером того же дня выступает на Казанлык⁷³. Наконец-то! Но время было потеряно.

14 (26) июля история с ослаблением Габровского отряда получила свое развитие. Непокойчицкий уведомил Гурко, что в связи с началом наступления войск Османа-паши на Ловчу утром 13 (25) июля «ваше превосходительство должны немедленно двинуть 4-ю стрелковую бригаду на Шипкинский перевал на смену Орловского полка». Получалось, что одни пехотные батальоны штаб армии Гурко давал, но другие – тут же забирал. Благо, что 15 (27) июля этот приказ все же отменили. «Никакого наступления неприятеля от Плевны на Ловчу не было; турки по-прежнему стоят на позиции», – сообщал генерал Левицкий⁷⁴. 13 (25) июля турки лишь предприняли в сторону Ловчи усиленную кавалерийскую разведку. Однако уже через два дня, 15 (27) июля, посланный из Плевны отряд Рифата-паши (от трех до четырех тысяч человек) все же занял Ловчу, вытеснив оттуда слабый отряд подполковника Бакланова в две сотни казаков при двух орудиях⁷⁵. Таким образом, несмотря на превосходство в кавалерии и понимание стратегической важности Ловчи, этот пункт на шоссе из Плевны в Габрово русское командование все же проморгал.

Догадывался об этом Осман-паша или нет, но, заняв Ловчу, он оказал Сулейману-паше просто неоценимую услугу: спровоцировал усиление опасений своего наступления и тем самым заставил русское командование, вместо укрепления южного направления у Габрова, стягивать дополнительные силы на северо-запад к Сельви. Именно сюда 17 (29) июля на соединение с Брянским направляется 53-й Волынский полк от 14-й пехотной дивизии вместе с 1-й батареей 9-й артиллерийской бригады.

В итоге всех этих импульсивных решений штаба русской армии очевидные возможности поддержки Передового отряда быстро таяли, а сам отряд терял драгоценное время.

Что в этих условиях оставалось делать Гурко? О наступлении на железнодорожный узел Тырново – Семенли пришлось забыть. Но и отдавать противнику долину Тунджи Гурко был

⁷¹ Там же. С. 117.

⁷² Там же. С. 126.

⁷³ Там же. С. 139, 161.

⁷⁴ Там же. С. 141, 161.

⁷⁵ Сборник материалов... Вып. 10. СПб., 1902. С. 11.

не намерен. Он выбирает вариант удара по частям Реуфа-паши в Ени-Загре и меняет базу с Шипки на Хаинкиой. Гурко надеялся, что с Плевной будет скоро покончено. А пока... Пока надо маневренными действиями выиграть время. Выбить Реуфа из Ени-Загры, закрепиться там и, пользуясь превосходством в кавалерии, действовать во фланг наступающему герцеговинскому корпусу. 17 (29) июля тремя колоннами отряд Гурко начал движение в общем направлении на Ени-Загру.

Но в этот же день началось и турецкое наступление. Целью была выбрана Эски-Загра. С юга, от Карабунара, сюда двинулись батальоны Сулеймана-паши, а с востока, от Ени-Загры – Реуфа-паши.

Таким образом, опасаясь только возможного «наступления противника от Плевны», русское командование своевременно не поддержало Гурко, позволило частям корпуса Сулеймана-паши сосредоточиться и напоролось на его мощное наступление, начало которого стало неожиданностью для Гурко. Под натиском превосходящих турецких сил части Передового отряда вынуждены были отступить и вернуться на северную сторону Балкан. А вот теперь проследуем к Плевне.

Глава 2

«Берегись Плевны!»

После войны ходила такая байка, будто бы перед ее началом Александр II в шутку поинтересовался у цыганки возможными итогами очередной русско-турецкой схватки. И цыганка ответила: «Берегись Плевны!»⁷⁶

Сцена из фильма «Турецкий гамбит»: палатка «журналистского клуба» в расположении русской армии; входит английский корреспондент Маклафлин. «Сенсация, господа, – Криднер взял Никополь!» – спешит сообщить он голосом неувядающего Даниэля Ольбрыхского. «Как Никополь?! – вскакивает с кресла ошарашенный этим известием Фандорин. – Как Никополь? Вы хотели сказать Плевну!»

Заложенная Б. Акуниным в романе и фильме идея стратегического преимущества Плевны перед Никополем полностью отражает реалии начала войны. И такое понимание в равной степени относилось к обеим противоборствующим сторонам, достаточно лишь внимательно посмотреть на карту театра боевых действий.

Переправа частей IX корпуса у Зимницы была окончена к вечеру 25 июня (7 июля). В это же время на бивуак у деревни Ореше собрались головные части корпуса – «кавалерия, два полка 5-й дивизии и 3 батареи»⁷⁷. Остальные части прибывали в течение двух следующих дней. Согласно распоряжениям штаба армии, одним из направлений дальнейшего движения становилось софийское шоссе. Именно на нем и располагалась Плевна. Около 37 км севернее, у самого Дуная, находился Никополь. Эта крепость с десяти тысячным гарнизоном оставалась в тылу русской армии и, по сути, оказывалась в изоляции. А вот значение Плевны, стоящей на развилке шоссе, как на запад и восток Болгарии, так и на юг, к балканским перевалам, резко возрастало.

Южное направление имело особое значение в стратегических замыслах русского командования. Сюда, к перевалам, после занятия Никополя и Плевны должны были направиться части IX корпуса, «оставив отряд для охраны правого фланга армии»⁷⁸.

В фильме «Турецкий гамбит» плевненская интрига завязывается в результате подмены телеграмм. Турецкий «гений шпионажа» Анвар-эфенди воспользовался романтическим разгильдяйством телеграфиста-шифровальщика Петеньки Яблокова и, подменив текст телеграммы, направил войска Криденера не к Плевне, а к Никополю. Истории с телеграммами на той войне порой имели прямо-таки роковые последствия. В определенной мере это коснулось и событий под Плевной. Но их драма все же начиналась не с этого.

25 июня (7 июля) Криденер получает записку из штаба армии с предписанием выслать разъезды: от 9-й кавалерийской дивизии по направлению к Никополю, а от Кавказской казачьей бригады полковника Тутолмина – на Плевну и Ловчу. В записке далее указывалось: «дальнейшие действия предоставляются вполне усмотрению вашего превосходительства, сообщаясь с указаниями, полученными от Главнокомандующего, и обстоятельствами»⁷⁹. Таким

⁷⁶ Это, в частности, слышал, находясь в русском плену, восемнадцатилетний Фредерик Уильям фон Херберт. Незадолго до начала войны он поступил офицером на службу в турецкую армию. Оказавшись в Видине в войсках Османа-паши, Херберт стал участником всех последующих плевненских событий от их начала и до конца – с июля по ноябрь 1877 г. Позднее он описал эти события в своей книге «Оборона Плевны: 1877». См.: *Herbert Frederick William von. The Defence of Plevna: 1877: Written by One who took part in it.* Lexington: Elibron Classics. 2004. P. 124. (Данная публикация является полным факсимильным воспроизведением лондонского издания книги 1895 г.)

⁷⁷ Сборник материалов... Вып. 25. С. 2.

⁷⁸ Сборник материалов... Вып. 3. СПб., 1898. С. 10.

⁷⁹ Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 182.

образом, Криденер в значительной мере был свободен в выборе оперативных решений. Сам же выбор напрямую зависел от имевшейся у командира IX корпуса информации о противнике.

Задача разведывательного обеспечения действий IX корпуса выпадала на Кавказскую бригаду Тутолмина. Уже в ходе войны штаб армии и командование IX корпуса подверглись критике за неэффективное использование маневренных возможностей кавалерии в пространстве между реками Осмой и Видом. В результате, как утверждалось, не были своевременно обнаружены перемещения значительных сил противника, и турки первыми заняли Плевну. В этой критике сполна досталось Кавказской бригаде и особенно ее командиру. В связи с этим подробнее остановимся на действиях этой кавалерийской части.

Рано утром 21 июня (3 июля) штаб Кавказской бригады вместе с приказом о новом подчинении получил и расписание своих действий на ближайшие после переправы дни. Помимо этого в расписании были указаны направления перемещений IX корпуса и 35-й пехотной дивизии, начальнику которой временно была подчинена бригада⁸⁰.

О перемещениях IX корпуса в расписании говорилось: «...на пути в Плевну», «...по пути на Плевну и Никополь». И более ничего. Вместе с этим напомним, что, намечая свой «более смелый» план наступления за Балканы, главнокомандующий говорил о IX корпусе только в контексте его выдвижения на Плевну и Ловчу «для обеспечения правого фланга». Все это, на мой взгляд, подтверждает, что сразу после переправы через Дунай основных сил армии ее штаб не ставил перед IX корпусом однозначную задачу в полном составе немедленно выдвигаться к Никополю.

Согласно расписанию полевого штаба армии, 22 июня (4 июля) Кавказская бригада должна была выдвинуться «на шоссе из Белы (Бялы. – *И.К.*) в Плевну до реки Осмы». После войны полковник Тутолмин вспоминал, что достаточно было взглянуть на карту, «чтобы, глядя на нее, наметить Булгарени местом выхода на Осму»⁸¹. Селение Булгарени находилось на левом берегу этой реки в 23 км юго-западнее Ореше и в 35 км восточнее Плевны. Рядом с селением проходило софийское шоссе в восточную и западную Болгарию, и именно здесь располагался единственный каменный мост через Осму.

Около полудня 23 июня (5 июля) бригада Тутолмина вступила в Булгарени. Ссылаясь на расписание штаба армии, Тутолмин особо подчеркивал, что «до получения указания корпусного командира (Криденера. – *И.К.*) Кавказская бригада не имела права предпочесть какое-либо направление по собственному своему выбору. Следовательно, ей было одинаково необходимо освятить местность как прямо перед собой – на Ловчу, куда стягивались скопища черкесов, так и на запад от себя – на Плевну, а равно и на длинный промежуток до Никополя...»⁸². К выполнению этой задачи и приступил Тутолмин, остро нуждаясь в «надежных лазутчиках».

24 июня (6 июля) священник села Булгарени привел в расположение штаба бригады иеродиакона Плевненского округа Евфимия Федорова. Федоров прекрасно знал свой округ и имел в нем большое влияние на православных болгар. Расспросив плевненского иеродиакона, штаб бригады получил важные сведения о противнике, которые были подробно записаны и нанесены на карту капитаном Генерального штаба В.Н. Стромилковым.

В отношении окрестностей Плевны Федоров указал на два моста через реку Вид: один находился в ее нижнем течении, второй же был перекинут через реку на софийском шоссе всего в четырех километрах от Плевны.

Крупные турецкие регулярные части, по словам Федорова, располагались в Софии, Видине и Никопле. Точно указывая пункты концентрации турецких частей, Федоров, тем не менее, завышал их численность. Однако данные, собранные полковником Артамоновым, кото-

⁸⁰ Тутолмин И. Указ. соч. С. 58–59.

⁸¹ Там же. С. 66.

⁸² Там же. С. 73.

рыми к тому времени уже располагал штаб армии, более точно отражали действительную численность противника в этих городах. Что касалось Плевны, то там, по словам Федорова, для охраны госпиталя находилась всего лишь рота низама⁸³ в количестве 150 человек. Для получения свежей информации о перемещениях противника Федоров организовал нечто вроде почты от Плевны до штаба Кавказской бригады в Булгарени.

Таким образом, на основе всей собранной информации и с учетом того, что уже через день-два в Булгарени могли быть передовые части IX корпуса, к исходу 24 июня (6 июля) заявила о себе иная, не предусмотренная расписанием штаба армии, возможность. Достаточно было лишь вновь взглянуть на карту, чтобы убедиться в необходимости скорейшего занятия Плевны. Обладание этим старинным городом являлось ключом к контролю за передвижениями противника с софийского и видинского направлений в восточные и южные районы Болгарии. Теперь уже нахождение в Плевне, как двумя днями ранее в Булгарени, предоставляло Кавказской бригаде лучшие возможности для выполнения ее основной на тот момент задачи – своевременного обнаружения передвижений противника с западных направлений.

Однако у Тутолмина было то самое злосчастное «расписание» – «оставаться на Осме». Но события уже следующего дня показали, что это «расписание» безнадежно устарело и срочно требовались инициативные, решительные, а самое главное, быстрые действия.

Думается, это начинал понимать и сам главнокомандующий. Так, утром 24 июня (6 июля) в приказе о движении частей армии на следующий день он указал 35-й пехотной дивизии из селения Овча-Могила (15 км восточнее Булгарени) выдвинуть, «если нужно, авангард на р. Осму для поддержания Кавказской бригады»⁸⁴. Подобной фразой великий князь явно предоставлял Тутолмину возможности для инициативных действий в пространстве между реками Осмой и Видом.

«Расписание» расписанием, но надо учесть и то, что, согласно стратегическому замыслу кампании, часть IX корпуса после обеспечения правого фланга армии, имея в авангарде Кавказскую бригаду, должна была двинуться «в горы через Ловчу»⁸⁵. Это прекрасно знал Тутолмин. Следовательно, именно со стратегических позиций к плевненско-ловченскому направлению должно было быть приковано все внимание командира Кавказской бригады. А «оставаясь на Осме», реально контролировать это направление было практически невозможно.

25 июня (7 июля) один из разъездов Кубанского полка привел на бивуак бригады «несколько жителей и купцов города Плевны». Узнав о присутствии русских в Булгарени, они пришли с просьбой послать в Плевну отряд для охраны города от набегов башибузуков. При этом «ходоки» единогласно утверждали, «что Плевна охраняется слабой ротой низама, находящейся при госпитале...»⁸⁶. Позднее это известие подтвердил и разъезд 30-го Донского полка, высланный от Передового отряда для поддержания связи с Кавказской бригадой и побывавший в Плевне 26 июня (8 июля). По словам командира этого разъезда есаула Афанасьева, когда его полусотня вошла в Плевну, то турецкая рота без сопротивления сложила оружие, и только появление большого отряда черкесов заставило казаков оставить пленных и отойти на Булгарени⁸⁷.

Но тогда, 25 июня (7 июля), «...что мы могли дать болгарам для прочной обороны Плевны?» – риторически вопрошал своих оппонентов Тутолмин⁸⁸. Тем не менее на то время он располагал 12 сотнями и 8 трехфунтовыми орудиями.

⁸³ Низам – регулярные части турецкой армии с европейским обмундированием.

⁸⁴ Сборник материалов... Вып. 2. С. 180.

⁸⁵ Там же. С. 176.

⁸⁶ Тутолмин И. Указ. соч. С. 74, 76.

⁸⁷ Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 182–183.

⁸⁸ Тутолмин И. Указ. соч. С. 76.

Тутолмин рассчитывал еще 24 июня (6 июля) войти в контакт с частями IX корпуса, получить новые инструкции от его командующего и «выступить с реки Осмы». На Плевну?..

Утром 25 июня (7 июля) полусотня Кубанского полка, высланная Тутолминым навстречу IX корпусу, встретила его разъезд – сотню 34-го Донского полка во главе с капитаном Генерального штаба Куммерау. От него Тутолмин получил распоряжение Криденера явиться к нему в Ореше, куда он и прибыл вместе с капитаном Стромиловым в одиннадцать часов вечера.

Криденер сообщил прибывшим, что по распоряжению главнокомандующего Кавказская бригада временно присоединяется к IX корпусу «для усиления его кавалерией». На тот момент корпусную кавалерию составляли два полка – 9-й Бугский уланский и 9-й Донской казачий.

Выслушав доклад командира Кавказской бригады и ознакомившись с новыми данными, нанесенными на карту капитаном Стромиловым, Криденер, по словам Тутолмина, «остановил свое внимание на Плевне»:

«Занятие Плевны не ускользало у него из вида, так как можно было опасаться, что при движении 9-го корпуса на Никополь турки могут угрожать этому предприятию, прибыв из под Софии или Видина. Следовательно, нам было выгодно занять Плевну».

Но, по мнению Криденера, сил, достаточных для выполнения этой задачи, у IX корпуса на тот момент не было. Не было «даже одной роты», как выразился начальник штаба IX корпуса генерал-майор Н.Ф. Шнитников, «писавший в ту минуту приказание на 26 число»⁸⁹. Буквально через два дня он очень пожалеет, что не поддержал Тутолмина.

Вместе с этим «корпусной командир сочувственно отнесся» к просьбе Тутолмина «прислать хоть два батальона к Кавказской казачьей бригаде и ими занять Плевну...». По воспоминаниям Стромилова, речь шла об одном пехотном батальоне⁹⁰.

А ведь силы для этого были: к вечеру 25 июня (7 июля) головные части 5-й пехотной дивизии IX корпуса уже подошли к Ореше...

Как вспоминал Тутолмин, Криденер даже «совершенно был согласен с необходимостью послать хотя два батальона пехоты в Плевну» и сделал на этот счет соответствующие распоряжения⁹¹. Но...

В полдень 26 июня (8 июля) адъютант главнокомандующего полковник А.П. Струков передал генерал-лейтенанту Криденеру устный приказ своего шефа «направиться для овладения крепостью Никополем»⁹². В результате Криденер не рискнул выделить Тутолмину просимые им батальоны. Сам же командир Кавказской бригады спустя два года прокомментировал это решение так: после расчета необходимых сил для взятия Никополя «никакая часть не могла быть отделена на Плевну»⁹³. Никакая?..

После полудня 27 июня (9 июля) в штаб Кавказской бригады болгарин из Плевны доставил известие от Е. Федорова. В нем сообщалось о приближении к Плевне регулярной турецкой пехоты и начале поголовного бегства болгар из города. Подробно расспросив болгарина, Тутолмин направил к Плевне две сотни Владикавказского полка при двух орудиях под командованием подполковника Бибикова. Сотни выступили около пяти вечера и недалеко от селения Радоницы встретили толпу болгар, шедшую из Плевны. Среди беженцев был и Е. Федоров. Он-то и рассказал Бибикову, что около четырех пополудни в Плевну вступил турецкий отряд, прибывший из Никополя.

⁸⁹ Сборник материалов... Вып. 25. С. 305.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Тутолмин И. Указ. соч. С. 78–80.

⁹² Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 258.

⁹³ Тутолмин И. Указ. соч. С. 80.

Численность отряда Федоров определил в шесть таборов пехоты при шести орудиях и несколько сот черкесов. Об услышанном Бибикив доложил своему командиру полковнику фон Левизу и остановился на ночлег в Радонице, всего в пяти километрах от Плевны. Ранним утром следующего дня подполковник рассчитывал двинуться к ее окрестностям. Командир Владикавказского полка полковник фон Левиз оф Менар немедленно передал Тутолмину сообщение Бибикива. Тутолмин действия Бибикива одобрил и поздно вечером 27 июня (9 июля) распорядился направить ему в поддержку оставшиеся две сотни Владикавказского полка.

В тот день, 27 июня (9 июля), Плевна была занята отрядом Атуфа-паши, выступившим из Никополя накануне в восемь вечера. Никопольским гарнизоном командовал Хассан-Хаири-паша. О силах, которыми располагал комендант Никополя, русское командование было хорошо осведомлено. Когда русские войска заняли Тырново, Хассан-паша приказал Атуфу-паше с тремя батальонами, одним эскадроном и четырьмя орудиями (всего около 1800 человек) 26 июня (8 июля) выступить в направлении Плевны, занять город и закрепиться в нем⁹⁴.

Как видим, данные о численности отряда Атуфа-паши, сообщенные подполковнику Бибикиву Е. Федоровым и болгарскими беженцами, были завышены. Да это и неудивительно, потому что умелый турецкий лива⁹⁵ призвал на помощь все тех же «призраков» войны. Он рассредоточил батальоны к северу и востоку от Плевны и тем самым создал видимость значительности своих сил. Кстати, новый комендант Плевны не побоялся выслать в разведку свой единственный эскадрон, который удалился от города на 16 км⁹⁶. В Никополе же тем временем осталось всего 8 тысяч бойцов.

Выдвижение частей IX корпуса к Никополю началось 28 июня (10 июля). В этот же день в 5 утра штаб Западного отряда получил донесение Тутолмина о том, что накануне, в 16 часов, Плевна была занята турецкой «пехотой и кавалерией с 6 орудиями, отступившими из Никополя»⁹⁷. Это донесение невольно наводило на мысль, что турки хотят без боя очистить Никополь. Исходя из этого, генерал Шнитников предложил, что достаточно будет направить для овладения Никополем одну бригаду пехоты с четырьмя батареями. Основные же силы, и прежде всего всю кавалерию, за исключением четырех сотен, он предложил двинуть на Плевну. Но увы! Генерал Криденер решил не изменять своего плана.

Для атаки Никополя было назначено около 17 тысяч пехоты при солидном парке осадных и полевых орудий. И что самое удивительное, эту атаку должны были прикрывать почти 3 тысячи кавалерии! С такими силами Криденер захватил полностью изолированный Никополь. Для Тутолмина при этом не хватило решимости выделить не то что два батальона – не дали даже одного! А какую роль эти 800–900 пехотинцев могли сыграть тогда под Плевной!..

3 (15) июля части Западного отряда овладели всеми передовыми позициями турок и двумя редутами, господствовавшими над Никополем. А на рассвете 4 (16) июля надобность в штурме отпала сама собой – турецкий гарнизон сложил оружие⁹⁸.

Кто и как остановит русских?

Теперь обратимся к планам и действиям турецкого командования. Главнокомандующим турецкими силами, призванными отразить русское вторжение на Балканы, был назначен сердар-экрем (генералиссимус) Абдул-Керим-паша. Он был человеком преклонных лет, уже не

⁹⁴ Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 257. См. также: *Herbert Frederick William von. The Defence of Plevna: 1877: Written by One who took part in it.* Lexington: Elibron Classics, 2004. P. 137.

⁹⁵ Атуф-паша имел звание «лива», что соответствовало генерал-майору в русской и бригадному генералу в английской и французской армиях.

⁹⁶ *Присленко Н.Н.* Первая Плевна и 19-й пехотный Костромской полк // <http://myshop.ru/shop/books/1149604.html>

⁹⁷ Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 259.

⁹⁸ Там же. С. 267, 276–277.

способным даже сидеть на лошади. Тем не менее за ним все еще тянулся шлейф славы победителя сербов. А вот его заместитель Ахмед-Эюб-паша ничем себя не проявил в прошедшей сербской кампании. Назначения эти были проведены военным министром Редифом-пашой, и поэтому руководители Дунайской армии считались его ставленниками.

Система управления и планирования в турецкой армии явно не отличалась стройной отлаженностью и четким разграничением компетенций и ответственности. Огромную, нередко определяющую роль играли неформальные межличностные отношения и восточные традиции «подковерной борьбы», которые порождали, как принято сегодня говорить, нагромождение разнообразных, порой весьма экзотичных «сдержек и противовесов».

Абдул-Керим-паша оказался сильно ограничен в своих действиях. Планы операций он обязан был представлять на утверждение султана через военного министра и принимать в расчет рекомендации военного совета, в котором председательствовал тот же военный министр.

Параллельно с этой процедурой султан сам иногда отдавал приказания командирам отдельных частей, минуя главнокомандующего. По большей части эти приказания основывались на том понимании, которое складывалось в «тайном совете» при особе султана. А лица, заседавшие в разных «советах», далеко не всегда демонстрировали общность интересов и единство устремлений.

Специалисты из Военно-исторической комиссии отмечали, что «при таком отсутствии единоначалия невозможно было, создав известный план действий, провести его далее последовательно и неуклонно», что обрекало турок в основном на пассивно-оборонительные действия⁹⁹.

В османской столице довольно быстро отвергли план кампании, согласно которому войска султана должны были занять Румынию еще до вступления в нее русской армии. Встречное движение турецких сил на левый берег Дуная только бы ускорило генеральное полевое сражение с русскими, вступить в которое турецкой армии пришлось бы вдали от своих баз и крепостей, имея за спиной разливавшийся Дунай. Такой сценарий мог оказаться просто сказочным подарком для русского командования.

Затем на одном из константинопольских «советов» с участием Абдул-Керима-паши было решено:

«Взять во фланг возможное наступление русских западнее четырехугольника турецких крепостей. Нужные для этого силы должны были собраться на линии Плевна – Ловча; ядром их предполагалась свободная часть войск Османа-паши»¹⁰⁰.

Однако в обращении канцелярии султана к великому визирю от 8 (20) апреля 1877 г. говорилось:

«Так как нельзя удержать всю оборонительную линию Дуная от Мачина до Видина, то с наступлением войны надлежит завлекать неприятеля вглубь страны и там дать ему сражение»¹⁰¹.

Эти варианты действий явно различались. Но в чем они были схожи, так это в распределении сил по разбросанным придунайским группировкам.

От центра турецких войск шел кратчайший путь к османской столице: линия Систово – Тырново – балканские перевалы – Адрианополь. Именно это направление и будет призван закрыть переброшенный из Черногории корпус Сулеймана-паши.

⁹⁹ Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 22.

¹⁰⁰ Там же. С. 23.

¹⁰¹ Ахмед Мидхад-эфенди. Сборник турецких документов... С. 6; Куропаткин А.Н. Ловча, Плевна и Шейново... С. 25.

Относительно численности русской Дунайской армии и планов ее командования у турок были весьма смутные представления. Когда канцелярия султана потребовала от Абдул-Керима-паши сведений по этим вопросам, то ответ получился «весьма характерный для турецких порядков»: неосведомленность о русской армии главнокомандующий объяснял отсутствием тайных агентов, подготовка которых находилась якобы в компетенции министерства иностранных дел. «Неприятель перешел реку Прут и направился прямо к Галацу» – так звучало единственное определенное сообщение в ответе Абдул-Керима-паши¹⁰². А на то, что основные силы русских будут переправляться у Систова, турецкий главнокомандующий явно не рассчитывал.

Даже после переправы русских корпусов у Систова и движения отряда Гурко к Тырнову Абдул-Керим почти бездействовал, предполагая, что это – всего лишь русская демонстрация! Он уверял военного министра, что «неприятель приложил крайние старания к переправе ниже Рушука и у Никополя. Переправа ниже Рушука будет совершена с целью захватить железную дорогу» (от Рушука до Варны. – *И.К.*). Это, по мнению Абдул-Керима, и препятствовало ему «располагать войска» по своему усмотрению¹⁰³. Упрямое нежелание Абдул-Керима-паши сверять свои соображения с реальной обстановкой отмечал в своих сообщениях подполковник Куксон (Fife Cookson) – британский военный агент в Константинополе, командированный послом лордом Лайардом в штаб турецкой Дунайской армии (французским «командировочным» был полковник Торси)¹⁰⁴.

Любопытное совпадение: именно тогда, когда Николай Николаевич, планируя дальнейшее наступление за Балканы, предполагал на левом фланге ограничиться лишь наблюдением за Рушуком, Абдул-Керим-паша готов был оказать русскому главнокомандующему неоценимую услугу своей убежденностью в том, что русские «непременно» намерены обложить Силистрию и Рушук! Первую – силами Нижнедунайского отряда генерала Циммермана, второй – теми дивизиями, которые переправились у Систова¹⁰⁵. К сожалению, предложение подобной «услуги» оказалось невостребованным.

Особенно важным было то, что придунайские группировки как в «четырёхугольнике крепостей», так и в Никополе и Видине рассматривались командованием турецкой армии прежде всего как оборонительные, а не наступательные структуры. Активно эту позицию отстаивали коменданты Рушука, Силистрии и Шумлы. Они явно не горели желанием покидать хорошо оснащенные крепости в удобной для обороны местности с многочисленным мусульманским населением ради снискания призрачных лавров победителей русских в открытом полевым столкновении. И как при таких настроениях формировать ударные силы для генерального сражения после «завлечения» русских вглубь страны? Это было весьма не простой задачей.

Впрочем, с началом войны идея «заманивания» растаяла как утренний туман. Оказалось, что русских вовсе не надо «заманивать», они сами рванулись вперед по центру.

Оборонительные настроения в Дунайской армии султана питались общей слабостью организации турецких вооруженных сил и ее командного состава. Именно по этой причине достаточно многочисленные турецкие военные группировки, оснащенные даже самым современным стрелковым и артиллерийским вооружением, демонстрировали порой удивительные образцы пассивности.

Недостатки турецкой военной организации особенно бросались в глаза многочисленным иностранцам на службе в армии султана. Так, участник войны англичанин В. Бекер-паша –

¹⁰² Ахмед Мидхад-эфенди. Сборник турецких документов... С. 36; Куропаткин А.Н. Ловча, Плевна и Шейново... С. 29.

¹⁰³ Ахмед Мидхад-эфенди. Сборник турецких документов... С. 39–40.

¹⁰⁴ Военный сборник. 1880. № 12. С. 134–135.

¹⁰⁵ Ахмед Мидхад-эфенди. Сборник турецких документов... С. 41.

ферик¹⁰⁶ восточной группировки турецкой Дунайской армии – писал: «Во всем, по-видимому, проявлялась какая-то странная небрежность управления»¹⁰⁷. Он вспоминал, как в разговоре с одним из лучших турецких генералов Иззет Фуатом-пашой «обнаружил отчаяние» собеседника «от общего беспорядка, проявлявшегося во всем»¹⁰⁸.

В начале войны турецкие официальные лица были поражены той «легкостью», с которой русским «удалось совершить переправу». Канцелярия султана поручила военному министру срочно разобраться в причинах столь вызывающего успеха противника. Абдул-Кериму-паше был направлен соответствующий запрос. Ответ главнокомандующего удивил многих в столице. После заверений, что «мы стараемся, жертвуя жизнью», Абдул-Керим писал:

«Невозможно описать затруднений, в которых я очутился, предприняв обеспечение боевыми припасами и провиантом тридцать – сорок тысяч человек»¹⁰⁹.

Если такие усилия к обеспечению относительно небольшого состава предпринимает сам главнокомандующий, то что тогда говорить о задаче снабжения более крупных соединений, к тому же в наступлении. Турецкие части не имели собственных обозов, и задача обеспечения перекладывалась на местные администрации. А от их представителей можно было вытрясти необходимое, употребляя порой лишь чрезвычайные меры. Эти факторы сильно сковывали оперативные возможности турецких войск и служили весьма серьезной помехой для проведения массированных наступательных операций.

Что же касается крепостей «четырёхугольника», то, как заметил А.Н. Куропаткин, они «принесли туркам вместо пользы несомненный вред, бесполезно привязав к себе значительные турецкие силы»¹¹⁰.

Любопытно, что в то время, когда в среде командного состава русской армии стала нарастать тревога по поводу разбросанности сил, этим же, но применительно к собственной армии, крайне озаботилась канцелярия султана¹¹¹.

Ошибки и безынициативность Абдул-Керима-паши все сильнее раздражали Стамбул. 22 июня (4 июля) в Шумлу из столицы прибывают военный министр Редиф-паша и сенатор мюшир (маршал) Намык-паша. По воспоминаниям В. Бекера, «военный министр... был человек невысокого ума, но смелый, хотя и не совсем добросовестный»¹¹².

Перед эмиссарами султана стояла задача понудить Абдул-Керима к активным действиям и «воспрепятствовать, по крайней мере, переходу неприятеля через Балканы или отеснить его». Совместными усилиями они сочли возможным оторвать от гарнизонов крепостей 30 батальонов, объединить их под командованием Ахмед-Эюба-паши и направить этот отряд в Кир-Чешме перед Трестеником с «целью угрожать тылу неприятеля, который направился к Тырнову и Габрову»¹¹³. Операция началась 24 июня (6 июля) 1877 г. Именно информация об этом движении противника нашла свое отражение в письме Николая Николаевича императору от 27 июня (9 июля). Одновременно Савфету-паше с шестью батальонами, сформированными в Осман-Базаре, было предписано двинуться на помощь тырновскому гарнизону.

¹⁰⁶ Звание «ферик» в турецкой армии соответствовало генерал-лейтенанту в русской и дивизионному генералу во французской и английской армиях.

¹⁰⁷ Сологуб В. Война в Болгарии. Рассказ о личных впечатлениях генерал-лейтенанта Оттоманской империи Валентина Бекера-паши // Военный сборник. 1880. № 6. С. 382.

¹⁰⁸ Сологуб В. Указ. соч. // Военный сборник. 1880. № 5. С. 195.

¹⁰⁹ Ахмед Мидхад-эффенди. Сборник турецких документов... С. 39.

¹¹⁰ Куропаткин А.Н. Ловча, Плевно и Шейново... С. 32.

¹¹¹ Ахмед Мидхад-эффенди. Сборник турецких документов... С. 43.

¹¹² Сологуб В. Указ. соч. // Военный сборник. 1880. № 1. С. 182.

¹¹³ Ахмед Мидхад-эффенди. Сборник турецких документов... С. 47.

Однако отряд Ахмед-Эюба остановил свое наступление в Кир-Чешме и занял оборонительную позицию, *предполагая*, что против него находятся главные силы русских. На этом попытка активизации восточной группировки турецкой Дунайской армии исчерпала себя.

8 (20) июля султан сместил Ахмед-Керима-пашу и назначил на пост главнокомандующего пятидесятилетнего Мехмед-Али-пашу – уроженца Магдебурга Карла Дитриха Детруа, еще в юности покинувшего родной город в поисках денег и славы.

Но уже до этих кадровых изменений на авансцену балканского театра войны стал выдвигаться Осман-паша.

После переправы русской армии через Дунай Осман-паша находился в Видинском районе и вел артиллерийскую перестрелку с румынскими батареями, расположенными на другом берегу Дуная у Калафата. Он был практически независим от главнокомандующего и не стеснен им в своих действиях. Основная задача отряда Османа-паши состояла в прикрытии Видинского района от возможных происков сербов, недопущении их объединения с русскими, а также предотвращении возможных попыток переправы румынских войск через Дунай в весьма удобном для этого месте – окрестностях Лома и Рахова. Однако неожиданное форсирование русскими Дуная у Систова отодвинуло все эти задачи на второй план.

Как позднее писал подполковник Генерального штаба Талаат-бей (Lieutenant-Colonel Talahat Bey)¹¹⁴, бывший в то время адъютантом Османа-паши, известие о прорыве русских войск через Дунай и их стремительном продвижении «сильно подействовало» на его «впечатлительного» командира и побудило в середине июня предложить Абдул-Кериму-паше новый план изгнания неприятеля из пределов империи¹¹⁵.

К началу войны Осман-паша располагал 32 пехотными батальонами. Общая же численность видинского отряда, по данным одного из его офицеров Фредерика фон Херберта, впоследствии от начала и до конца прошедшего путь защитника Плевны, не превышала 30 тысяч человек¹¹⁶.

Осман-паша предложил оставить в Видине 12 батальонов, а с остальными 20, присоединив по пути несколько батальонов из Рахова, направиться к Плевне. Там он планировал соединиться с никопольским гарнизоном, который должен был покинуть крепость, не ожидая атаки русских. От Плевны Осман-паша намеревался двинуться через Ловчу к Тырнову, где соединиться с корпусом Ахмед-Эюба-паши, который должен был подойти туда из Шумлы. Затем во главе объединенной армии Осман-паша предполагал ударить в направлении на Систово и захлопнуть дверь дунайской переправы русских. В случае невозможности соединения с силами Ахмед-Эюба, Осман-паша намеревался занять Ловчу, которая предоставляла лучшие возможности для обороны балканских проходов.

Сначала план Османа-паши не был принят. Главнокомандующий просто не отвечал на его предложения, а только указывал на опасность нападения со стороны Сербии и Румынии. Однако войска этих княжеств активности не проявляли, а вот быстрые успехи русской армии заставили немедленно озаботиться контрмерами.

План Османа был одобрен прибывшими в Шумлу Редифом-пашой и Намыком-пашой. Вечером же 25 июня (7 июля) командующий видинским отрядом был вызван к телеграфному аппарату для переговоров с султаном. Осман изложил свои предложения и получил высочай-

¹¹⁴ В первом номере «Военного сборника» за 1885 г. начал печататься сокращенный перевод сочинения адъютанта Османа-паши подполковника Талаат-бея (старого знакомого полковника Артамонова), посвященного обороне Плевны. Авторами этого перевода Талаат-бей назван майором Таль-атом. С тех пор в литературе, посвященной Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Талаат-бей и Таль-ат фигурировали как два разных человека. В сочинении другого защитника Плевны Ф. фон Херберта содержится подробный перечень всех генералов и офицеров плевненского гарнизона. Так вот, никакого майора Таль-ата там нет, а есть подполковник Талаат-бей (Lieut.-Col. Talahat Bey). См.: *Herbert Frederick William von. The Defence of Plevna: 1877: Written by One who took part in it.* Lexington: Elibron Classics. 2004. P. 421–440.

¹¹⁵ *Таль-ат*. Описание военных действий под Плевной в войну 1877 года // Военный сборник. 1885. № 1. С. 6.

¹¹⁶ *Herbert F. W. von. Op. cit.* P. 118.

шее одобрение. Вырисовывался следующий замысел: корпус Сулеймана-паши спешно перебрасывался из Черногории под Адрианополь, чтобы закрыть балканские проходы по центру движения русской армии; корпуса Ахмет-Эюба-паши от Шумлы и Османа-паши от Видина должны были ударить по русским флангам. Но Ахмед-Эюб быстро остановился у Кир-Чешме. Как в этой ситуации будет действовать Осман?

27 июня (9 июля) комендант Рахова полковник Хамдый-бек уведомил Османа-пашу о том, что Плевна занята русскими. Так противник прореагировал на посещение Плевны полусотней казаков есаула Афанасьева («призраки кавалерии»!). А на следующий день, 28 июня (10 июля), когда Криденер начал выдвигаться к Никополю, Осман-паша получил приказ о выступлении.

В отличие от своего главнокомандующего, Осман-паша оказался эффективным организатором. Ему удалось быстро собрать минимально необходимый для длительного марша запас продовольствия и воды. В кратчайшие сроки закончив и другие подготовительные мероприятия, утром 1 (13) июля он выступил из Видина с 19 батальонами, 5 эскадронами регулярной кавалерии и 9 батареями. По опубликованным вскоре после завершения войны данным генерала Музафара-паши и подполковника Талаат-бея, это составляло «несколько более одиннадцати тысяч человек». Схожие данные приводил в своей книге и другой участник марша на Плевну Ф. фон Херберт – двенадцать тысяч человек¹¹⁷.

3 (15) июля Осману вручили очередную телеграмму Абдул-Керима-паши. Из нее он узнал о критическом положении Никополя и получил приказ о скорейшем занятии Плевны. В сложившейся на конец июня стратегической ситуации старинную крепость Никополь, которую уже с 14 (26) июня с левого берега Дуная обстреливала русская тяжелая артиллерия, Осман-паша считал позицией обреченной. Убедить командующего никопольским гарнизоном Гасана-пашу оставить крепость, выступить навстречу и объединить силы – это, пожалуй, был бы наиболее перспективный для турецкой стороны вариант. Однако теперь он окончательно отпал.

Ко времени капитуляции Никополя Плевна уже контролировалась отрядом Атуфа-паши. В помощь ему 3 (15) июля в 22.00 Осман-паша направил три батальона под командованием полковника Эмин-бека.

Вечером 5 (17) июля, одновременно с присоединением трех батальонов из Рахова¹¹⁸, Осман-паша узнал, что Ловча занята русскими. С этой минуты, как писали Музафар-паша и Талаат-бей, цель операции Османа-паши изменилась. От скорейшего занятия Ловчи и соединения с шумлинской группировкой пришлось отказаться. Главным становилось как можно быстрее укрепиться в Плевне¹¹⁹.

Любопытный феномен войн той эпохи. Неразвитость разведывательной и коммуникационной техники приводила часто к совершенно неточной оценке противника и в целом ситуации на театре военных действий. Порой это кардинально влияло на судьбы войны и мира. Так, Ловчу утром 5 (17) июля занимает казачий отряд полковника Жеребкова численностью всего в две сотни при двух орудиях. Но в сознании турецкого командования откладывается отнюдь не малочисленность русского отряда, оно просто этого не предполагает, а то, что Ловча **уже** занята русскими безотносительно к их численности! Отсюда делается вывод, объективно выгодный русскому командованию: раз Ловча **уже** занята, следовательно, планы надо менять как минимум до выяснения обстановки. А это – прямая потеря драгоценного времени.

Время на войне вершит ее судьбы, а выиграть время – значит победить. Как здесь еще раз не вспомнить стремительность продвижения небольшого отряда Гурко, ввергшее турец-

¹¹⁷ Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 291, 306; *Herbert F. W. von*. Op. cit. P. 120.

¹¹⁸ Таким образом, 5 (17) июля Осман-паша располагал 22 батальонами, 5 эскадронами и 9 батареями.

¹¹⁹ Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 293.

кое руководство в состояние, близкое к отчаянию. Этот же феномен из области психологии войны всего лишь через две недели проявится и в действиях русского командования, но уже под Плевной.

А пока обратим внимание на то, как в тяжелейших условиях марша дорожил временем Осман-паша. Марш сопровождался сильнейшей жарой и недостатком воды. Солдаты быстро теряли силы, многие отставали, а некоторые умирали. Но отставших и обессиленных подбирали шедшие за отрядом повозки, а вперед высылались бочки с водой и команды, готовившие пищу¹²⁰. Тем не менее продолжение быстрого движения отряда в полном составе становилось все более затруднительным. В этих условиях Осман-паша посылает вперед в Плевну три наиболее стойких батальона. Лишь бы успеть подкрепить Атуфа-пашу, лишь бы не пустить русских в Плевну!

Но жара делала свое дело, и 6(18) июля отряд Османа-паши бивуакировал в 15 км от Плевны. На следующий день в 9 часов его передовые колонны стали подходить к Плевне и располагаться к северу от города на уже отчасти укрепленных позициях¹²¹. К 14 часам последние группы отряда достигли Плевны. Над укреплением этого города природа потрудились на славу и без человеческих усилий. Как позднее писал Талаат-бей, Плевну «можно было признать за весьма сильную, естественно укрепленную позицию»¹²². Цепь высот буквально подковой огибала город. Более того, взаимное расположение высот позволяло укрепившимся на них отрядам оказывать друг другу эффективную огневую поддержку.

180-километровый марш из Видина к Плевне ярко блеснул на унылом фоне оперативных действий турецкого командования. Он продемонстрировал не только полководческое мастерство Османа-паши, но и явился образцом мужества турецких солдат и офицеров.

Весь путь отряда от Видина до Плевны не попал в район русских кавалерийских разведок. А произошло это потому, что кавалерия IX корпуса вместе с Кавказской казачьей бригадой Тутолмина настоянием барона Криденера была привлечена к операции по захвату Никополя. Вся эта масса конных воинов, разумеется, на штурм редутов не бросалась. Однако она непонятно от кого охраняла расположение своей пехоты. Фактически конница корпуса бездействовала. Основные силы бригады Тутолмина располагались на расстоянии около 7 км от Никополя, а кавалерийская бригада генерала Лошкарева (четыре эскадрона, шесть сотен и шесть конных орудий) – далее на юг, в 20 км от Плевны.

В итоге нерешительность и упрямство Криденера, проигнорировавшего советы Тутолмина и собственного начальника штаба, «ослепили» IX корпус к западу от Плевны. Это и явилось прологом драмы русской армии под этим болгарским городом.

Два шага в капкан

Теперь посмотрим, как начинал завязываться плевненский узел с русской стороны. Уже на первом переходе из Видина, т. е. 1 (13) июля, отряд Османа-паши был замечен и обстрелян румынской артиллерией с противоположного берега Дуная. Находившийся при батареях штабс-капитан Иванов «в прекрасную зрительную трубу постоянно наблюдал за турецкими войсками, расположенными у Видина»¹²³. О движении турецких сил он доложил в штаб румынских войск. Когда на другой день, 2 (14) июля, это донесение было подтверждено румынскими аванпостами, князь Карл спешно телеграфировал об этом великому князю Николаю Николаевичу. Но по словам генерала Левицкого, первоначально в штабе армии «депеше этой осо-

¹²⁰ См.: Herbert F. W. von. Op. cit. P. 125.

¹²¹ 7 (19) июля с учетом сил Атуфа-паши отряд Османа-паши насчитывал: 27 батальонов, 6 эскадронов, 9 батарей + 4 орудия.

¹²² Таль-ат. Указ.соч. С. 3.

¹²³ Воронов П.Н. Начало Плевны. СПб., 1900. С. 19.

бой веры не дали, так как не доверяли румынским телеграммам»¹²⁴. В них часто содержалась информация, которая впоследствии не подтверждалась.

Никополь пал между четырьмя и пятью утра 4 (16) июля. В 7.30 того же дня Криденер известил об этом императора, а в 9.59 – великого князя Николая Николаевича. В штабе главнокомандующего телеграмма о взятии Никополя была получена в 13.55.

Но уже через сорок минут, в 14.35, главнокомандующий шлет Криденеру телеграмму, в которой говорилось: «Прикажите румынским войскам занять немедленно Никополь... а сами с войсками направьтесь в Плевну и там ждите приказаний»¹²⁵.

В штабе Криденера эта телеграмма была получена около 5 часов утра 5 (17) июля. Как видим, это был четкий приказ.

Однако журнал военных действий IX корпуса почему-то не зафиксировал получения этой телеграммы. Вместо нее в журнале содержится телеграмма Непокойчицкого, якобы полученная уже в день взятия Никополя, 4 (16) июля:

«Великий князь Главнокомандующий предлагает вам двинуть тотчас для занятия Плевны, кроме бригады полковника Тутолмина (казачьей), два полка пехоты с артиллерией, менее уставшей от боя при Никополе; о распоряжениях донести»¹²⁶.

А вот здесь главнокомандующий уже не «приказывает», а «предлагает». Разница очевидна. Странно еще и то, что эта телеграмма Непокойчицкого содержится только в журнале военных действий IX корпуса. Ее нет в журнале полевого штаба армии, откуда она, собственно, и исходила. Нет ее ни в одном другом сборнике документов той войны, опубликованных Военно-исторической комиссией.

Объяснение этого, как мне представляется, может быть следующее. Или этой телеграммы вовсе не было, и штаб Криденера, желая оправдать собственную медлительность, просто ее выдумал и подменил ею более определенную – как приказ – телеграмму великого князя. Или же она все-таки была. Последнее представляется более вероятным. Но тогда получается, что вслед телеграмме начштаба с «предложением» полетела уже телеграмма главнокомандующего с «приказом». Похоже на то, что Николай Николаевич, предчувствуя «тормозные» качества Криденера, решил уже не предложениями, а подробным приказом сконцентрировать командира IX корпуса на необходимости скорейшего занятия Плевны.

Телеграмма Непокойчицкого никак не упоминала о сообщении князя Карла, телеграмма же Николая Николаевича делала это косвенно. Тем не менее, как верно заметил генерал-майор Генерального штаба П.Н. Воронов, исследовавший в самом конце XIX в. «начало Плевны», надлежало полностью привести сообщение румынского князя, «что несомненно заставило бы командира 9-го корпуса произвести... разведки к западу»¹²⁷. Уже после войны Криденер стремился придать особое значение тому факту, что полевой штаб армии не известил его о сообщении румынского князя. Мотив Криденера тут вполне понятен: не было сообщения – не было и реакции на него; какой тут с меня спрос.

Однако, как писал Воронов, «при исследовании вопроса – было ли донесено в то время командиру 9-го корпуса о действительном движении турок или нет – дело представляется несколько в ином виде»¹²⁸. 5 (17) июля начальнику осадной артиллерии полковнику Анчутину в Турну (на северном берегу Дуная напротив Никополя) было доставлено написанное «на четвертушке бумаги» донесение штабс-капитана Столетова, командовавшего осадной батареей в

¹²⁴ Там же. С. 19–20.

¹²⁵ Сборник материалов... Вып. 25. С. 83.

¹²⁶ Сборник материалов... Вып. 3. С. 28.

¹²⁷ Воронов П.Н. Указ. соч. С. 39.

¹²⁸ Там же. С. 40.

Корабии, находившейся в 25 км западнее Турну. Столетов перебрался на южный берег Дуная и наблюдал за движением значительных турецких сил (до 40 таборов) «с запада на восток и юго-восток». Об увиденном штабс-капитан и доложил по инстанции полковнику Анчутину. Утром 6 (18) июля Анчутин был вызван к Криденеру. Перед отъездом к полковнику явились двое болгар из Плевны и сообщили, что туда пришло много турок и башибузуков¹²⁹. Прибыв в Никополь к полудню, Анчутин услышал от Криденера, что частям его корпуса приказано занять Плевну. На это полковник доложил командующему о рассказах болгар и «показал ему донесение штабс-капитана Столетова». В ходе возникшей в 1885 г. переписки по поводу донесения Столетова Криденер утверждал, что полковник Анчутин «никакого сообщения о движении турок из Видина... мне не сделал»¹³⁰. Анчутин же сожалел лишь о том, что нигде не удалось разыскать записку штабс-капитана из Корабии. Тщательно разбиравший этот вопрос генерал Воронов утверждал, что воспоминания Анчутина были точны, и Криденер в Никополе просто упустил из вида его доклад¹³¹.

Но Криденер оставил без внимания не только сообщение Анчутина. Двумя днями ранее ему поступило аналогичное донесение от начальника 5-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Ю. И. Шильдер-Шульднера. Как следует из опубликованной записки генерал-майора Шнитникова, штаб IX корпуса к 17 часам 4 (16) июля располагал сообщением начальника 5-й пехотной дивизии «о появлении противника с запада»¹³². Но никакой серьезной реакции опять не последовало.

Правда, 5 (17) июля Криденер приказал Кавказской бригаде сняться с бивуака на высоте у деревни Самовид в низовьях Вида (7 км западнее Никополя и 25 км севернее Плевны) и двинуться «на Булгарени-Плевненскую дорогу»¹³³. Но зачем?! Ведь это – тылы IX корпуса. Кого там мог обнаружить Туттолмин, кроме бродячих шаек башибузуков? Криденер поступал просто абсурдно. Он опасался появления турецких сил с запада (от Софии, Видина или Рахова), а посылал Кавказскую бригаду на юго-восток.

А ведь с 4 (16) на 5 (17) июля удаление основных сил IX корпуса Криденера и отряда Османа-паши от Плевны выглядело так: первые – в 40 км, вторые – в 70. Время и расстояния все еще были на стороне русских.

В 14.20 5 (17) июля с пометкой «экстренно» Криденер шлет ответ в адрес Непокойчицкого:

«...необходимо бы пополнить снаряды прежде, нежели идти на Плевну, где, по сведениям, сообщенным полковником Туттолминым, находились четыре батальона низама с орудиями, двумя эскадронами и черкесами, которые укреплялись; заметно движение туда войск от Софии; Никополь ожидал оттуда и из Видина подкрепления. Расположение наших войск оберегается от р. Вид на Турский-Трестеник до шоссе из Плевны в Белу кавалерией IX корпуса. От шоссе через Карагач до расположения VIII корпуса – Кавказской бригадой. В Турский-Трестеник выставлен полк с батареей. Жду приказаний»¹³⁴.

¹²⁹ Башибузуки (башибозуки) – буквально: «сорвиголова»; иррегулярная часть турецкой армии, вербовавшаяся в Малой Азии и Албании; храброе, но недисциплинированное войско, известное своей ненавистью к христианскому населению. В него входили также отряды выходцев с Кавказа, в основном черкесов, переселившихся при поддержке османского правительства в окрестности Пловдива, к подножию Родоп и в Кирджалийскую область в ходе и особенно после завершения Кавказской войны.

¹³⁰ Сборник материалов... Вып. 25. С. 280.

¹³¹ Воронов П. Н. Указ. соч. С. 41.

¹³² Сборник материалов... Вып. 25. С. 84.

¹³³ Там же. С. 281.

¹³⁴ Там же. С. 85–86.

Ну какие еще «приказания» нужны были Криденеру, кроме его собственного нежелания?.. Трудно не согласиться с мнением видного военного историка, профессора Николаевской академии Генерального штаба генерал-майора П.А. Гейсмана, который писал, что командир IX корпуса фактически игнорировал приказание главнокомандующего о выступлении на Плевну, ставя на первый план тыловые задачи¹³⁵. Эту точку зрения разделял и П.Н. Воронов.

9-фунтовые батареи, снаряды к которым хотел пополнить Криденер, можно было временно оставить в Никополе, а пехотной бригады было вполне достаточно для решения там всех вопросов. И это даже без оглядки на румынские войска в Турну с противоположного берега Дуная, командующий которыми генерал Мано, ссылаясь на распоряжения князя Карла, отказался сменить русские батальоны в Никополе.

Расслабленное поведение Криденера особенно возмутительно на фоне крайнего напряжения усилий Османа-паши и его отряда. А бог войны, как известно, милостив к преодолевающим...

Да, штаб армии не довел до Криденера сообщение князя Карла. Однако даже собственные предположения командующего IX корпусом должны были торопить его в Плевну. Пусть заявленного им движения турок от Софии к Плевне не было (да если бы оно и было, то Криденер все равно остался бы в неведении, ибо ранее не озаботился дальней кавалерийской разведкой), но турки, тем не менее, в Плевну шли, только не от Софии, а от Видина. Выходит, что Криденер все же предчувствовал наступающую беду, ошибаясь лишь в определении пункта на западном направлении, из которого вышел неприятель. Но, к сожалению, эти верные предчувствия всего лишь предчувствиями и остались.

Вполне возможно, что фраза о движении турок из Софии – отголосок сообщения Шильдер-Шульднера. Но тогда возникает вопрос: а откуда об этом узнал командир пехотной дивизии? Ведь он не располагал кавалерией для проведения разведок! Выходит – опять предчувствия...

Понятно, что после взятия Никополя Криденер был озабочен не только «снарядным голодом». На него свалилась масса хозяйственных и санитарных дел. Тем не менее это никак не мешало ему того же 5 (17) июля направить к Плевне свои «заслоны»: бригады Тутолмина, Лошкарева и отряд Клейнгауза. А это, по самым скромным подсчетам, – 2 батальона, 4 эскадрона, 10 сотен и 12 орудий – около 1700 пехоты и 1300 конницы. Тутолмин и Лошкарев находились в это время примерно в 20–25 км от Плевны, Клейнгауз – в 18. А Осман-паша – в целых 49!

Кавказскую бригаду надо было посылать не на «Булгарени-Плевненскую дорогу», а к мосту через Вид западнее Плевны – с приказом закрепиться там и выслать разведку. Но барон Криденер этого не сделал, и поэтому последние преимущества его корпуса во времени и расстоянии стремительно таяли. И это притом, что у реки Искер отряду Османа-паши пришлось задержаться. Из Константинополя Османа заверили, что мост через эту реку если и разрушен, то ко времени подхода его отряда будет наведен. Однако моста не оказалось, и турецким аскерам (солдатам) пришлось его наскоро сооружать буквально из подручных средств: «затопленных повозок и перекинутых поперек досок»¹³⁶.

Тем временем в штабе русской армии тревога по поводу Плевны явно нарастала. 5 (17) июля в 14.40 Непокойчицкий отправляет Криденеру новую телеграмму:

«Если не можете выступить тотчас в Плевну со всеми войсками, то пошлите туда *немедленно* (курсив мой. – И.К.) казачью бригаду Тутолмина и часть пехоты».

А более часа спустя, в 16.00, уже сам главнокомандующий телеграфирует Криденеру:

¹³⁵ Гейсман П.А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. Вып. 2. СПб. С. 140.

¹³⁶ Herbert F.W. von. Op. cit. P. 128, 450.

«Дайте скорее знать. Скоро ли пойдете на Плевну; Тутолмину вступить немедленно в связь с флигель-адъютантом Жеребковым, который послан мной в Сельви и далее к Ловче и приказано ему тоже вступить в связь с Тутолминым, который должен придти к Сельви и сменить Жеребкова. У вас останутся ваши уланы и два казачьих полка; необходимо скорее прикрыться в Плевне от возможного наступления войск из Видина»¹³⁷.

Первой штаба IX корпуса в 22.05 5 (17) июля достигла более поздняя телеграмма главнокомандующего и уже в 6.10 следующего утра – телеграмма начштаба армии.

Только после этого командир IX корпуса озаботился распоряжениями в отношении Плевны. Полковник Анчутин вспоминал, как 6 (18) июля, после его доклада о движении крупных турецких сил в юго-восточном направлении, Криденер указал на только что полученный им Георгиевский крест (за Никополь) и сказал, что он «этого не заслужил» и на Плевну пойдет в любом случае¹³⁸. Надо признать, что уж чем-чем, а дефицитом совести генерал-лейтенант Криденер не страдал.

Ссылаясь на «предписание» Непокойчицкого, командующий IX корпусом «предложил» (именно так в тексте записки!) генерал-лейтенанту Шильдер-Шульднеру со сводным отрядом¹³⁹ в этот же день, 6 (18) июля, выдвинуться в Бресляницу. «Затем, – говорилось в записке, – 7 (19. – И.К.) июля, если не встретится особого препятствия, вы направитесь со всеми... войсками на Плевно, куда двинете также и 19-й пехотный Костромской полк с 5-й батареей 31-й артиллерийской бригады из Турского-Трестеника».

Тревожный тон телеграмм штаба армии полностью растворился в убаюкивающем «предложении» Криденера. Удивительно! Как будто не идет война, как будто в Плевне уже нет турецких батальонов и туда только надо дойти... Просто какая-то записка о передвижении войск. В ней нет и тени приказа с четкой постановкой задач по разведке и сосредоточению частей. Оставшись в Никополе, Криденер полностью доверился Шильдер-Шульднеру: «Впрочем, все дальнейшие распоряжения о движении... в Плевно и занятии онаго предоставляются вполне усмотрению вашего превосходительства»¹⁴⁰.

Численность выдвигавшегося к Плевне русского отряда составляла чуть более 7000 штыков, 1600 сабель и 46 орудий. Для обороны Плевны Осман-паша уже 7 (19) июля мог располагать гарнизоном до 15 тысяч бойцов при 58 орудиях¹⁴¹. Но о таком численном превосходстве противника Криденер даже не подозревал. Он оперировал информацией Тутолмина о занявшем Плевну небольшом отряде Атуфа-паши. Поэтому, отдавая приказы 6 (18) июля, он исходил из слабости турецких сил в Плевне. Этой же позиции придерживался и Шильдер-Шульднер, хотя те самые «особые препятствия», которые Криденер все же осторожно оговорил в своем предписании, начали вскрываться буквально сразу же.

6 (18) и 7 (19) июля казачьи разъезды бригады Тутолмина и 9-го Донского полка донесли о сосредоточении крупных сил турок вокруг Плевны. Однако эти сообщения были, мягко говоря, неадекватно восприняты генералом Шильдер-Шульднером.

¹³⁷ Сборник материалов... Вып. 25. С. 86.

¹³⁸ Там же. С. 105.

¹³⁹ Ю.И. Шильдер-Шульднеру для занятия Плевны были подчинены, помимо 1-й бригады его дивизии (17-й Архангелогородский и 18-й Вологодский пехотные полки), 19-й Костромской пехотный полк, казачья бригада Тутолмина, 9-й Донской казачий полк, 5 артиллерийских батарей и рота 5-го саперного батальона. См.: Описание Русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Т. II. СПб., 1901. С. 285–286.

¹⁴⁰ Воронов П.Н. Указ. соч. С. 40–41.

¹⁴¹ Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 306; Herbert F. W. von. Op. cit. P. 162.

В полдень 7 (19) июля к северу от Плевны загремели первые залпы пехотных цепей. Однако в 8 часов вечера Шильдер-Шульднер, озабоченный необходимостью большей согласованности в действиях вверенных ему частей, приказал прекратить огонь и отложить атаку на следующий день.

Если бригада Тутолмина и 19-й Костромской полк полковника Клейнгауза подходили к Плевне с востока от Гривицы, то 1-я бригада и 9-й казачий полк – с севера от Бресляницы. Из-за неточности карт, ошибок проводников, общей несогласованности действий войска Шильдер-Шульднера к вечеру 7(19) июля так и не смогли соединиться. Причем разделявшее их 18-километровое пространство оказалось заполнено турецкими силами на активно укрепляемых позициях.

В итоге к ночи с 7 (19) на 8 (20) июля положение русского отряда под Плевной выглядело следующим образом. Турки в обороне, и их гораздо больше, чем ранее предполагалось. Рельеф местности весьма выгоден обороняющейся стороне, которая при этом успела еще и подготовить свои позиции. Силы же атакующих вдвое уступают противнику, и к тому же они разобщены. То, что Плевну занимает отнюдь не малочисленный турецкий отряд, для Шильдер-Шульднера стало вполне понятно уже к вечеру 7 (19) июля. Однако магия первых побед оказалась столь завораживающей, что он все же решился атаковать Плевну сразу с двух разобщенных направлений.

На рассвете 8 (20) июля к северу от Плевны в атаку пошли роты 17-го Архангелогородского и 18-го Вологодского полков. Несмотря на первые успехи, уже к 10 часам утра численно превосходящие силы турок заставили русских отступить.

С востока от Гривицы, также на рассвете, устремился в атаку 19-й Костромской полк и упорно продвигался вперед. К 8 утра успешно взаимодействовавшая с костромичами батарея полковника Седлецкого заняла отбитую у турок выгодную позицию и обстреливала отступавшего противника, а также части общего турецкого резерва, видневшиеся в садах и виноградниках у Плевны.

В то время когда Архангелогородский и Вологодский полки уже прекратили атаку и отошли на исходные рубежи, бой отряда полковника Клейнгауза был в самом разгаре.

Насколько опасным оценивал в тот момент свое положение Осман-паша, можно представить исходя из того факта, что он послал начальника штаба бригадного генерала Тахира-пашу (Brigadier Tahir Pasha; по другим данным, этим посланцем был подполковник Талаат-бей) передать командирам отступающих частей приказ: немедленно собрать своих солдат и отбить утраченные позиции. В противном случае Осман-паша готов был открыть огонь по беглецам.

К началу атаки Костромского полка Кавказская бригада расположилась на его левом фланге вблизи деревни Гривица. Н.В. Скрицкий, опираясь на ошибочные данные из дневника Н.П. Игнатьева, пишет, что «...бригада Тутолмина... 7 (19) июля прошла через Плевну, но не провела разведку Видинского шоссе...»¹⁴². Никакого прохода через Плевну в тот день просто быть не могло, потому что там уже более недели находилось не менее 3 тысяч турецких солдат. 8 (20) июля около 7 часов утра в распоряжение бригады была доставлена записка полковника Клейнгауза: «Кавказской бригаде приказано заходить им в тыл». Тутолмин счел такие действия преждевременными, но принялся их исполнять¹⁴³. Бригада направилась в обход южнее, на Радишево, и остановилась между этой деревней и Тученицким оврагом. С этой позиции были прекрасно видны турецкие резервы у Плевны. «...Хотя, – как записал Тутолмин, – для преследования турок на Плевну нам следовало перейти еще Радишевский овраг». Впрочем, предоставим слово самому командиру Кавказской бригады:

¹⁴² Скрицкий Н.В. Указ. соч. С. 127; Игнатьев Н.П. Походные письма... С. 121.

¹⁴³ Тутолмин И. Указ. соч. С. 141.

«С занятой нами высоты мы видели, как ближайший к нам батальон Костромского полка поднялся из Гривицы, ударил на ложементы и взял окопанную батарею, насыпанную на два орудия. 5-я батарея 31-й артиллерийской бригады (батарея Седлецкого. – И.К.) производила видимое опустошение в турецких рядах, и они бежали, покинув свою батарею... Костромичи поднялись на высоты и скоро скрылись в кустах, бывших между ними и турками».

Вскоре Тутолмин увидел начало отхода солдат Костромского полка. Далее полковник продолжал:

«Тогда из Плевны поднялась густая тройная турецкая цепь пехоты, перемешанная со всадниками, и издали, но тоже без выстрелов, она медленно продвигалась за нашей пехотой. Тут уже ясно было, что сражение проиграно и наше движение в тыл неприятеля не могло иметь применения, так как турки могли обрушиться превосходными силами на ослабевший Костромской полк; поэтому Кавказская бригада рысью возвратилась на прежнее место к Гривице на соединение с Костромским полком»¹⁴⁴.

Кавказская бригада не смогла поддержать атаку Костромского полка. Вариант – достать турок артиллерийским огнем под прикрытием спешившихся казаков – не представлялся возможным: с той позиции, на которой остановилась бригада, шесть ее трехфунтовых горных орудий добросили бы свои гранаты в лучшем случае на две трети нужной дистанции. Надо было продвигаться вперед, надо было переходить Радишевский овраг. Но тогда мог пропасть визуальный контакт с Костромским полком, да и колонны турецких сил у Плевны выглядели уж очень внушительно. В итоге действия бригады ограничились прикрытием отступления изрядно поредевших рот Костромского полка.

Батарея Седлецкого простояла на отбитой костромичами позиции до 11 часов. Не получая никаких известий и резервов, в условиях, когда снаряды и патроны подходили к концу, полковник Седлецкий по соглашению с командирами батальонов Костромского полка начал отходить. Турки явно с облегчением вздохнули. Уже после падения Плевны Осман-паша говорил, «что ни в одном бою с русскими ему не приходилось встречать более отчаянного сопротивления, чем под Плевной 8-го июля, и что это сопротивление удержало его от преследования»¹⁴⁵.

В вышедшей в 2005 г. книге «Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз восточного кризиса» есть любопытная иллюстрация с названием: «Бои на улицах Плевны 8 (20) июля 1877 г.»¹⁴⁶. Где авторы раздобыли эту картинку?... Но одно можно сказать с полной уверенностью: изображенный на ней уличный бой не имеет ни к первому, ни к последующим штурмам Плевны никакого отношения. Еще ее защитник Ф. фон Херберт писал о том, что вымысел, будто бы в ходе первого штурма Плевны противник ворвался в город, стал гулять по книгам разных стран с легкой руки журналистов из русского лагеря, которые часто «писали под диктовку русских офицеров»¹⁴⁷. Не остается места для этого вымысла и после внимательного прочтения опубликованных материалов Военно-исторической комиссии российского Главного штаба. Тем не менее вымысел этот продолжает жить, и последняя его обитель – книга Н.В. Скрицкого¹⁴⁸.

¹⁴⁴ Там же. С. 142–143; Описание Русско-турецкой войны... Т. II. С. 316–317.

¹⁴⁵ Воронов П.Н. Указ. соч. С. 39.

¹⁴⁶ Золотарев В.А. Противоборство империй... С. 42.

¹⁴⁷ Herbert F.W. von. Op. cit. P. 162.

¹⁴⁸ Скрицкий Н.В. Указ. соч. С. 127.

Первая атака Плевны 8(20) июля 1877 г.

Из книги: Золотарев В. А. Противостояние империй. Война 1877-1878 гг. Апофеоз восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005. С. 41.

Вскоре после удачного отражения русской атаки плевненский гарнизон пополнился отрядом Рифата-паши из Софии. Отряд состоял из 6 батальонов пехоты, 1 батареи и «небольшого числа черкесских ополченцев»¹⁴⁹. Этот отряд Осман-паша и направил для занятия Ловчи.

Неудача под Плевной явилась полной неожиданностью для главной квартиры русской армии. После ряда первых успехов возобладало некоторое небрежное отношение к военным силам и возможностям турок. Поэтому, как свидетельствуют воспоминания участников войны, этой неудаче сразу не придали должного значения.

Вместо того чтобы проанализировать плевненскую осечку в комплексе всех факторов и возможностей текущей обстановки, командованием русской армии овладело желание быстро избавиться от этой досадной неудачи как от назойливой мухи. Избавиться быстро, одним сильным ударом.

9 (21) июля Александр II телеграфирует брату-главнокомандующему: «Надеюсь, что с прибытием подкреплений можно будет возобновить атаку Плевны». Но уже 11 (23) июля импе-

¹⁴⁹ Таль-ат. Указ. соч. // Военный сборник. 1885. № 2. С. 93.

ратор ставит вопрос определеннее: «Когда предполагаешь возобновить атаку Плевны?» Через два дня главнокомандующий докладывал Александру II, что время повторной атаки Плевны он предоставил на усмотрение Криденера. А 16 (28) июля он уже сообщал, что затягивание Криденером повторного штурма Плевны ему непонятно и что сил для этого у командующего IX корпусом «довольно, если б только употребил хорошо артиллерию»¹⁵⁰.

Серьезное беспокойство вызывали два предположения:

во-первых, турецкий отряд в Плевне находился всего в переходе от единственной переправы через Дунай у Систова; возможное наступление противника в этом направлении, естественно, ставило под удар пополнение и обеспечение всей армии;

во-вторых, движение отряда Османа-паши на Ловчу и Сельви грозило потерей балканских проходов, изоляцией отряда Гурко, да и ударом на Тырново.

В итоге, после выделения на правый фланг подкреплений, в ночь с 17 (29) на 18 (30) июля ординарец главнокомандующего штабс-капитан Андриевский доставил Криденеру «словесное приказание» главнокомандующего: «Атаковать и взять Плевну». И опять это роковое «словесное» послание! Правда, на сей раз все было гораздо определеннее. Андриевский привез еще и предписание начальника штаба армии от 16 (28) июля, в котором двумя вышеназванными предположениями обосновывалась необходимость «покончить с делом при Плевне как можно скорее»¹⁵¹.

18 (20) июля части барона Криденера и приданные ему дополнительные части под общим руководством командующего XI корпусом генерал-лейтенанта князя Л.В. Шаховского снова атакуют Плевну и снова терпят поражение. И неудивительно.

Все началось, казалось бы, с пустяка – маленького недочета в распоряжениях штабного начальства. Когда помощник начальника штаба армии генерал-майор Левицкий составлял предписания Шаховскому и Криденеру, то он не упомянул, что первый подчиняется второму. Это подразумевалось в силу существовавшей традиции – Криденер был старше по возрасту, – и поэтому даже в такой ответственный момент подчиненность Шаховского Криденеру письменно оформлена не была. А зря. Позднее Левицкий сам об этом очень сожалел. Ситуацию пришлось исправлять уже по ходу дела телеграммами, но на улучшение согласованности действий это практически не повлияло.

11 (23) июля в 16 часов Криденер телеграммой запросил главнокомандующего: «Кому вверите общее начальствование над всеми войсками, направленными на Плевну». В 23.05 следующего дня Непокойчицкий ответил: «Великий Князь Главнокомандующий поручает командование всеми войсками вашему превосходительству как старшему». Однако даже к полудню 14 (26) июля телеграмма начальника штаба армии до командующего IX корпусом не дошла. И в 15.15 Криденер просит скорейшего «ответа на телеграмму о подчинении войск». Эта телеграмма дошла быстро, и уже в 17.25 великий князь разъяснил:

«И вам, и Шаховскому сообщено, что вы командуете всеми войсками. Кавказская бригада подчинена Скобелеву 2-му, оставаясь в подчинении вам. Требую самого энергичного действия кавалерией. О получении этой телеграммы донесите»¹⁵².

¹⁵⁰ Сборник материалов... Вып. 15. СПб., 1899. С. 44, 47, 50, 52.

¹⁵¹ Описание Русско-турецкой войны... Т. III. Ч. I. С. 240–241; Мартынов Е. Указ. соч. С. 14.

¹⁵² Сборник материалов... Вып. 26. СПб., 1899. С. 20, 32, 37, 59, 60.

Но Криденер получил эту телеграмму только вечером 16 (28) июля, когда у него уже сложился план повторного штурма Плевны. Более того, этот план был доложен великому князю и получил его одобрение¹⁵³.

В записке князю Шаховскому от 12 (24) июля Криденер высказал необходимость «предварительно условиться... о выборе путей наступления, дабы действовать всем отрядом в тесной связи»¹⁵⁴.

Необходимость этого еще более усиливалась в связи с движением противника в сторону Ловчи. Первые сведения об этом Криденер получил вечером 14 (26) июля. В этот день в деревне Бресляница он встретился с князем Шаховским, и здесь же состоялось совещание командного состава IX и XI корпусов. Участники совещания еще не знали, кому великий князь поручил командовать предстоящим штурмом Плевны.

16 (28) июля ординарец главнокомандующего корнет Хвошинский доставил в штаб армии донесение Криденера, составленное по итогам совещания в Бреслянице. Начиналось донесение с констатации тревожного соотношения сил: несмотря на более чем двукратное превосходство русских в артиллерии, 26 тысячам атакующих будут противостоять 50–60 тысяч турок в обороне. И сразу же за этим Криденер написал, что на совещании «был прежде всего поставлен вопрос: следует ли, при вышеозначенных условиях (невыгодного соотношения сил. – *И.К.*), немедленно атаковать Плевну или испросить на то окончательное повеление Вашего Императорского Высочества». Кстати, чуть ниже Криденер докладывал, что кавалерию с конной артиллерией он предполагает отправить за Вид с целью «действовать на пути сообщений неприятеля с Софией и Видином»¹⁵⁵.

«Ну, старик, дает! Мало того что вечно опаздывает, так он опять хочет все свалить на меня!» – наверное, что-то подобное вырвалось у Николая Николаевича после прочтения этого донесения.

В штабе армии не знали, что точно такое же по содержанию письмо адъютант Криденера ротмистр Беклемишев повез императору в Белу. Однако и великий князь, и его окружение все сразу поняли правильно: Криденер хочет не только отсрочить штурм, но и заранее снять с себя ответственность за возможный неудачный исход.

На совещании в Бреслянице начальник штаба XI корпуса полковник К.К. Бискупский энергично оспаривал предположения Шнитникова о направлении главного удара на Гривицу. Однако переубедить Шнитникова Бискупскому не удалось. Тем не менее уже после совещания он уговорил своего командира, «невозмутимо-апатичного» князя Шаховского, действовать самостоятельно, без оглядки на штаб «вялого и нерешительного» Криденера. Последний же, будучи человеком пожилым и миролюбивым, не стал напрягать отношения и фактически предоставил князю возможность действовать по его усмотрению. Вот это – мило. Деликатность оказалась превыше дела. И где? На войне! В таких условиях о единоначалии, тесном взаимодействии можно было забыть, что, собственно, и продемонстрировали Криденер с Шаховским 18 (30) июля. Достаточно взглянуть на две диспозиции штурма Плевны: одну, подписанную Криденером, и другую – Шаховским. Если первая ориентировала князя Шаховского атаковать «неприятельские войска, расположенные на позиции к северу от д. Радишево», то вторая предписывала тем же войскам действовать на само Радишево «с юго-востока и юга»¹⁵⁶.

За этими неточностями стояли разные оценки оперативной ситуации, особенно после 15 (27) июля – даты захвата противником Ловчи. У Криденера перед вторым штурмом было достаточно времени для рекогносцировки всего периметра вражеских позиций. Требовались

¹⁵³ Там же. С. 81.

¹⁵⁴ Там же. С. 36.

¹⁵⁵ Там же. С. 56.

¹⁵⁶ Там же. С. 95, 97.

тщательная разведка и спокойный взвешенный анализ. Однако 16 (28) июля Криденер ограничился только усиленной рекогносцировкой по левому берегу Вида, произведенной отрядом в составе трех сотен казаков при двух орудиях под начальством полковника Генерального штаба Макшеева-Машонова.

Но 16 (28) июля М.Д. Скобелев вместе с П.Д. Паренсовым провел рекогносцировку на юг и дошел до самой Ловчи. По итогам этой разведки стала выявляться разумная альтернатива немедленному штурму Плевны. И князь Шаховской согласился на предложение Бискупского представить ее генералу Криденеру. В шесть утра 17 (29) июля командиру IX корпуса была отправлена следующая записка за подписью Шаховского:

«Так как занятие Ловчи весьма важно и признается таковым Главнокомандующим, то я полагал бы, пока турки не укрепились еще в Ловче, выбить их оттуда, для чего необходимо двинуть на Ловчу два полка пехоты с четырьмя батареями, а другие два – поставить в виде репли¹⁵⁷ между Ловчей, Плевной и остальными войсками, сосредоточивающимися против Плевны»¹⁵⁸.

По сути, этим предложением Бискупский предлагал воспользоваться новой оперативной ситуацией и направить удар сначала на Ловчу, получив тем самым повод отложить штурм Плевны, которого столь опасался командующий IX корпусом. Но не успел Криденер прочитывать записку Шаховского, как штабс-капитан Андриевский привез уже известный нам приказ главнокомандующего атаковать Плевну и письменное обоснование этого начальником штаба армии. В такой ситуации Криденер решил, что выбор уже неуместен.

17 (29) июля Скобелев с Паренсовым обследовали южные подступы к Плевне. Итоги подтвердили предположения Бискупского – на южном направлении находился самый уязвимый участок турецкой обороны, практически не оборудованный в инженерном отношении. С юго-восточной стороны постройка укреплений была только начата. На южной же – возведена лишь одна батарея¹⁵⁹. Поэтому основной удар предпочтительнее было наносить именно на этом направлении. Тем не менее Криденер со Шнитниковым сделали иной вывод.

«Тактическим ключом Плевненской позиции» они посчитали укрепления деревни Гривица на правом фланге русских сил в 5 км восточнее Плевны. Этот выбор Криденер впоследствии обосновывал следующими соображениями:

- 1) удар на Гривицу позволял не сходить с восточного направления и тем самым прикрывать возможное продвижение противника к систовской переправе;
- 2) местность южнее софийского шоссе была изрезана оврагами и покрыта более густой растительностью;
- 3) наступление на Гривицу можно было осуществить концентрическим ударом с востока и юго-востока; взятие тамошнего редута позволяло укрепиться на гривицких высотах, что, по убеждению Криденера, было достаточным залогом общей победы¹⁶⁰.

Но Гривица ко дню второго штурма была уже сильно укреплена. Местность южнее шоссе лишь сковывала атаку массированными сомкнутыми рядами, но позволяла осуществлять скрытое выдвижение для атаки рассыпным строем. Что же касается опасений по поводу продвижения турок к Систово, то они малопонятны. Ведь было очевидно, что после отражения

¹⁵⁷ Репли – войска, оставляемые на выгодных позициях, если идущим вперед главным силам вскоре может предстоять отступление. Репли останавливают противника и дают отступающим возможность отдохнуть.

¹⁵⁸ Там же. С. 91.

¹⁵⁹ Таль-ат. Указ. соч. // Военный сборник. 1885. № 2. С. 96.

¹⁶⁰ Сборник материалов... Вып. 3. С. 44.

первого штурма турки активно укрепляются в Плевне. И принять в таких условиях решение о наступлении на систовскую переправу... Для Османа-паши это было бы равносильно приказу на самоуничтожение. Турецкий отряд все дальше уходил бы вглубь территории, занятой русской армией, и подставлял свои фланги и тылы ударам частей Криденера и Шаховского.

Тем не менее именно на Гривицу была направлена атака основных сил IX корпуса. Скобелев же, наносивший удар с юга на самые слабозащищенные турками участки, к своим нескольким сотням казаков получил всего лишь один батальон пехоты и десять орудий.

О вопиющей неорганизованности взаимодействия говорит уже тот факт, что диспозицию своего отряда в день штурма Скобелев получил в 6 часов утра. Из нее он узнал, что выступать должен в 5 утра! Незнание расположения позиций противника в центре приводило к тому, что русские атаквали здесь по типу «иди вперед, не зная куда, атакуй то, не зная что».

«Сепаратизм» Бискупского понять можно. Отстаивая целесообразность атаки Плевны с юга, он встретил упорное неприятие этого плана со стороны Шнитникова. На «несговорчивость и упрямство» своего начальника штаба жаловался даже сам Криденер¹⁶¹. Как знать, если бы не эта упертость Шнитникова, то Бискупскому, может, и удалось бы переломить настроение Криденера. Ведь нужно было оттянуть атаку хотя бы на день с целью сосредоточения войск на южных, наиболее вероятных участках прорыва турецкой обороны. Уже после провала второго штурма, 27 июля (8 августа), Бискупский говорил адъютанту главнокомандующего полковнику Д.А. Скалону:

«Не мы виноваты, а виноват этот писарь (Шнитников. – *И.К.*), который зажал мне рот, когда я доказывал необходимость атаковать Плевну с юга... Старик (Криденер. – *И.К.*) – честный человек, но этот писарь вообразил себя стратегом и стал действовать нахально. А разве можно атаковать двумя дивизиями на протяжении пятнадцати верст»¹⁶².

Вот и получилось, что одни не оценили верный замысел успеха, вторые решили действовать самостоятельно, а в итоге атака Плевны сложилась «замечательно неискусно»¹⁶³.

С восьми часов утра и до двух часов дня шла бесполезная перестрелка, а затем начались бессвязные, разрозненные атаки, безуспешно продолжавшиеся до наступления темноты. Общие силы русских в количестве до двух дивизий атаквали на фронте в 16 км! Резерва не было, точнее, его быстро растащили. Тем временем более 30 эскадронов и сотен конницы в полном бездействии простояли на флангах.

Штаб армии настойчиво требовал, чтобы атака Плевны была подготовлена массированным артиллерийским обстрелом вражеских позиций. 16 (28) июля Криденер получил телеграмму главнокомандующего, содержащую четкий приказ:

«План вашей атаки Плевны одобряю, но требую, чтобы до атаки пехоты неприятельская позиция была сильно обстреляна артиллерийским огнем»¹⁶⁴.

В письме же Непокойчицкого от 16 (28) июля, которое в ночь с 17 (29) на 18 (30) доставил Криденеру штабс-капитан Андриевский, акцент приказа главнокомандующего был даже усилен:

«Великий Князь особенное внимание обращает на то, что вы имеете до 150 орудий и что ими следует воспользоваться с тем, чтобы разгромить

¹⁶¹ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 71.

¹⁶² Скалон Д.А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. Т. I. СПб., 1913. С. 239.

¹⁶³ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 69; Сборник материалов... Вып. 26. С. 201.

¹⁶⁴ Сборник материалов. Вып. 26. С. 81.

противника, употребля для этого *хотя бы целые сутки* (курсив мой. – И.К.), и затем наступать пехотой»¹⁶⁵.

В соответствии с полученными указаниями Криденер и решил действовать. Утром 18 (30) июля батареи IX корпуса открыли огонь по гривицким укреплениям, но еще до этого великому князю в Тырново была направлена телеграмма следующего содержания: «Шт.-кап. Андриевский прибыл. Завтра утром, 19-го числа, перехожу в наступление»¹⁶⁶.

Очевидно, что Криденер решил потратить сутки на огневую обработку вражеских позиций. А ведь за сутки артподготовки оценка ситуации вполне могла бы измениться. Прежде всего, под воздействием понимания малой эффективности артиллерийского обстрела хорошо выстроенных земляных укреплений. И в день штурма стрелка выбора качнулась именно в эту сторону. К двум часам дня от Шаховского не было никаких известий, в ложине за гривицким редутом виднелись большие резервы противника, а «особенного превосходства действий нашей артиллерии над неприятельской» явно не просматривалось. В это время Криденер и высказал «намерение» «отложить атаку»¹⁶⁷. Но в три часа ординарец наконец привез долгожданное сообщение от Шаховского. Оказалось, что атака на левом фланге уже идет! В этих условиях Криденер приказал двинуть на противника и части своего корпуса. Таким образом, атака началась не 19 (31), как предполагал Криденер, а 18 (30) июля. Инициатива неугомонного Бискупского сломала последнюю надежду на принятие более разумных решений. Поражение становилось неминуемым.

Мандраж – вот, пожалуй, наиболее точное русское слово, которым можно выразить состояние командования русской армии после второго поражения под Плевной. Сразу поползли слухи, что турок в Плевне чуть ли не 80 тысяч!

Интересно, что этот «прирост» сил Османа-паши начался в головах отцов-командиров русской армии уже после первой неудачи 8 (20) июля. Перед вторым штурмом, 18 (30) июля, и Криденер, и Шаховской оценивали силы турок в Плевне «от 50 до 60 тысяч, из которых более 40 таборов низама, несколько эскадронов регулярной кавалерии и большое число черкесов и башибузуков». Число орудий плевненского гарнизона оценивалось в 65–70 единиц. Силы же изготовившихся к атаке русских частей насчитывали около **27 000 штыков, 2800 сабель при 176 орудиях**. И даже исходя из таких, казалось бы, мрачных соотношений, Криденер и Шаховской все же атакуют, и атакуют без должного взаимодействия. Цена такому командованию – более 7 тысяч убитых и раненых. Турки оценивали свои потери до 3500 человек убитыми и ранеными¹⁶⁸.

Уже через несколько дней после неудачного штурма 18 (30) июля Криденер, сознавая растущее влияние прессы, оправдывался перед корреспондентами: мол, он же говорил, что сил для штурма недостаточно, но его заставили, у него был приказ главнокомандующего.

Да, главнокомандующий великий князь Николай Николаевич оказался далек от военной аналитики. После неудачи 8 (20) июля он приказал тупо повторить штурм Плевны. Но ведь никто: ни сам Криденер, ни Шаховской, ни чины корпусных штабов и штаба армии – никто открыто не предложил главнокомандующему иного варианта. Никто даже не решился возражать, и все иные варианты так и умерли на листах штабной переписки. А ведь великий князь не был ни сумасбродом, ни злобным, мелочным самолюбцем. Он мог вполне нормально, по деловому воспринимать обоснованные мнения других, отличные от своих собственных.

И.В. Гурко вспоминал, как князь А.К. Имеретинский, рассказывая ему все перипетии, предшествовавшие «Второй Плевне», говорил:

¹⁶⁵ Сборник материалов... Вып. 3. С. 51, 67.

¹⁶⁶ Сборник документов... Вып. 26. С. 55–56; См. также: Описание Русско-турецкой войны... Т. III. Ч. I. С. 226.

¹⁶⁷ Описание Русско-турецкой войны... Т. III. Ч. I. С. 332–333.

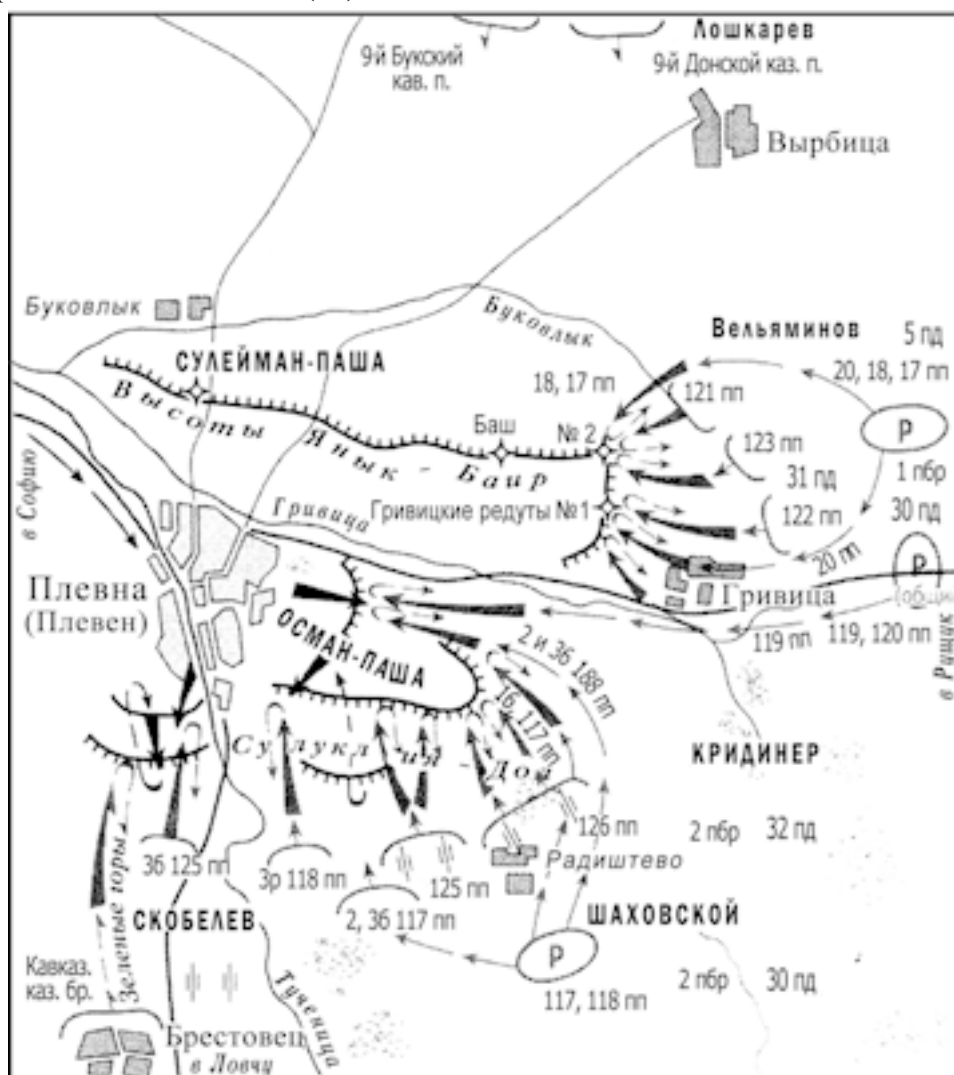
¹⁶⁸ Описание Русско-турецкой войны... Т. III. Ч. II. СПб., 1905. С. 298; Мартынов Е. Указ. соч., С. 15.

«Нет в нас гражданственности... оттого нет у нас генералов, способных принять на себя какие-либо решения, а на войне нерешительность во сто крат пагубнее бездарности»¹⁶⁹.

И как бы развивая мысль князя, полковник М.А. Газенкампф записал в своем дневнике:

«При таких условиях наши дела всегда будут висеть на волоске. Одна вздорная случайность, вроде неудачи 8 июля под Плевной, может все испортить. Ибо, при отсутствии обдуманности и последовательности, мы легко теряемся, а вследствие этого спешим и второпях делаем такие промахи, поправлять которые потом трудно и долго»¹⁷⁰.

Вторая атака Плевны 18(30) июля 1877 г.

Из книги: Золотарев В. А. Противостояние империй. Война 1877-1878 гг. Апофеоз восточного кризиса. М.: Animi Fortitudo, 2005. С. 41.

¹⁶⁹ Гурко (Ромейко-Гурко) И.В. «Записки о кампании 1877–1878 гг.» // В кн.: Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. С. 179.

¹⁷⁰ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 181.

А отсутствие «обдуманности» и легкомысленная спешка просто бросались в глаза. Уже само распределение сил говорило о многом. Из имевшихся на театре военных действий 15 пехотных дивизий для атаки Плевны были определены только три. Остальные 11 дивизий (16-я дивизия IV корпуса находилась на марше) «употреблены были для целей обороны и наблюдения за противником». Главнокомандующий возлагал большие надежды на превосходство Криденера в артиллерии и, может быть, поэтому не двинул к Плевне большие силы. А возможность такая была. К 18 (30) июля, по расчетам специалистов Военно-исторической комиссии, можно было вполне притянуть к Плевне еще 11 пехотных батальонов и 40 орудий¹⁷¹.

Кстати, реальные силы, которыми располагал Осман-паша к 18 (30) июля, после того как за три дня до этого вытеснил русских и занял Ловчу, составляли около **23 тысяч штыков, 600 сабель и 58 орудий**. И это по данным штаба армии. Но им Криденер не верил и считал их заниженными. По данным же Талаат-бея, к 18 (30) июля плевненский гарнизон насчитывал и того меньше – **19–20 тысяч человек**¹⁷². Именно поэтому турки, отбив второй штурм, снова с облегчением вздохнули и, как 8 (20) июля, не преследовали отступавшие русские части.

¹⁷¹ Описание Русско-турецкой войны... Т. III. Ч. II. С. 299.

¹⁷² *Таль-ат*. Указ. соч. // Военный сборник. 1885. № 2. С. 95. Данные турецкого полковника использовали и российские авторы. См.: *Мартынов Е.* Указ. соч. С.14–15; *Паренсов П.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 1. СПб., 1901. С. 324.

Глава 3

Кадры и разведка решают все!

Вот здесь вполне уместен один вопрос. Если перед началом войны, как писал Н.Н. Обручев, «расположение турок было известно почти батальон в батальон», то от чего же такая степень преувеличения турецких сил? От страха, что ли?.. Ситуация выглядит весьма противоречивой. С одной стороны, в обширной дореволюционной литературе, посвященной русско-турецкой войне, и прежде всего в опубликованных материалах Военно-исторической комиссии, действительно есть немало свидетельств того, что перед началом войны руководство русской армии располагало достаточно точными данными о численности и местоположении сил противника. С другой стороны, та же литература дает порой такое описание действий русского командования, которое заставляет думать, что оно в своих действиях исходило из чего угодно, только не из этой «достаточно точной» информации. Ее как бы не было и в помине.

Генерал, вы струсили... извольте полечиться

Бесспорно то, что уже первые месяцы войны доказали поистине неиссякаемый запас мужества солдат и офицеров русской армии. В то же время стала ясна очевидная слабость профессиональной подготовки значительной массы ее командного состава. Прежде всего, это проявлялось с уровня командования бригадой и выше. Такие, как И.В. Гурко и М.Д. Скобелев, здесь были скорее исключением.

«Настоящая беда в том, что куда ни повернись – везде недомыслие и беспомощность», – так характеризовал состояние армейского управления полковник Генерального штаба М.А. Газенкампф. В полевом штабе армии он вел официальный журнал боевых действий и руководил военными корреспондентами. Во время пребывания Александра II на театре военных действий Газенкампф составлял для него ежедневную сводку, которую подписывал главнокомандующий. Полковник пользовался доверием и покровительством Николая Николаевича, поэтому он был «своим» в ставке и являлся одним из наиболее осведомленных офицеров¹⁷³.

Оценка вездесущего Н.П. Игнатьева была не менее жесткой: «штаб Николая Николаевича составлен из ничтожеств и неудовлетворительно организован», все распоряжения «исполняются... отвратительно, легкомысленно, чтобы не сказать более», исполнительность отсутствует¹⁷⁴.

А вот штрихи Газенкампфа к портрету начальника штаба армии и его помощника:

«Старческая апатичность Непокойчицкого и бестолковая суетливость вечно растерянного Левицкого... оказывают весьма серьезное влияние на ход военных действий. Главная беда в том, что оба постоянно упускают из виду расчет времени. Вследствие постоянных колебаний, неспособности оценить обстановку и отсутствия военного чутья – все распоряжения запаздывают»¹⁷⁵.

О том же, но в иных выражениях, писал управляющий канцелярией главнокомандующего полковник Д.А. Скалон:

«Жалко мне Казимира Васильевича (Левицкого. – И.К.): он не дурной человек, но, бедный, не обладает соответствующими своему высокому положению способностями... Его главный недостаток тот, что он не умеет

¹⁷³ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 116.

¹⁷⁴ Игнатьев Н.П. Походные письма... С. 190–191.

¹⁷⁵ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 91.

пользоваться способностями других и, заставляя их работать, направлять дело, не упуская из вида общего хода... Левицкий совершенно неспособный человек, теряется непростительно, если бы не Михаил Александрович (Газенкампф – *И.К.*), так он был бы немислим на своем посту»¹⁷⁶.

Подобные характеристики штаба армии и его деятелей вовсе не были плодами чьего-то задетого самолюбия и огульной критики. Так думали очень многие офицеры и генералы русской Дунайской армии. А думали так потому, что были свидетелями низкой эффективности работы армейского штаба.

Что касается А.А. Непокойчицкого, то в отношении его примечателен следующий эпизод. На должность начальника штаба Дунайской армии Непокойчицкого рекомендовал военный министр Д.А. Милютин. Они были старыми приятелями. Однако летом 1877 г. Милютин об этом своем решении очень пожалел. Былые приятели даже перестали разговаривать. 10 (22) августа Игнатъев записал в своем дневнике, как, удивленный апатичностью Непокойчицкого в критические дни боев на Шипке, он передал свои впечатления военному министру и услышал в ответ:

«Неужели вы еще не потеряли надежду разбудить этого человека? Если бы я его прежде не знал за честного, хорошего человека, то, право бы, повесил собственными руками, как предателя»¹⁷⁷.

Раньше надо было думать, Дмитрий Алексеевич. Качества «честного» и «хорошего» человека еще не гарантируют эффективности руководителя штаба армии. И собственно, что вы хотели получить от пожилого пресыщенного человека, смотрящего на все, по выражению Игнатъева, «полумертвыми глазами»¹⁷⁸.

Характерной чертой корпусных командиров, по мнению того же Газенкампфа, было отсутствие самостоятельности и «вечная боязнь ответственности». Действия Криденера под Плевной это убедительно доказали.

«Войска наши превосходны, – резюмировал Газенкампф, – но начальники оставляют слишком многого желать»¹⁷⁹. Из современников той войны так думал далеко не он один. П.Д. Паренсов позднее писал:

«Полевой штаб... действовал с поразительной небрежностью и необдуманностью; мало того, разные учреждения действующей армии не только чуждались, но как будто боялись друг друга, скрытничали и распоряжались без всякой связи»¹⁸⁰.

Последнее наглядно продемонстрировали во время второго штурма Плевны Бискупский со Шнитниковым.

В истории второго штурма Плевны хорошо известен эпизод постыдного поведения начальника 30-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Пузанова. После поражения 18 (30) июля этот генерал, «забыв свой долг, честь и высокое звание», бросил свою дивизию, сел в коляску и направился к Систову. Встречавшимся по дороге обозам и подразделениям он приказывал сворачиваться и спешно отступать. Как записал Газенкампф со слов очевидцев, «едучи в коляске», Пузанов «махал руками и кричал всем встречным: “Спасайтесь, все пропало!”»¹⁸¹. Легко вообразить, какая паника началась в тылу! А паника на войне опаснее самого

¹⁷⁶ Скалон Д.А. Мои воспоминания... Т. I. С. 133, 237.

¹⁷⁷ Игнатъев Н.П. Походные письма... С. 210–211.

¹⁷⁸ Там же. С. 159.

¹⁷⁹ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 48, 63, 91, 118.

¹⁸⁰ Паренсов П. Указ. соч. С. 175.

¹⁸¹ Газенкампф М.А. Указ. соч. С. 70.

грозного противника. В «Журнале военных действий IX армейского корпуса» записано, что генерал Пузанов был «в болезненном состоянии (кажется, контуженный сильно в голову)»¹⁸². Да, возможно, контуженный генерал лишь «кричал» и «махал» руками, но таким поведением он вызвал лавину деморализованных действий огромного числа людей. И лавина эта стала расти как снежный ком. Достигнув Систова, она уже явила «настоящее столпотворение» и практически закупорила переправу через Дунай. Начальник переправы генерал Рихтер чуть ли не стрельбой и штыками подчиненных ему солдат принялся спасать мост, «который обезумевшие беглецы могли потопить, устремясь на него сплошным ошалелым стадом»¹⁸³.

И вот после такого позора Пузанов «не только не стушевался, но старательно лез на глаза великому князю», когда тот объезжал войска 24 июля (5 августа). Это император Николай Павлович мог разжаловать в рядовые генерал-майора Ранненкампа, без должных оснований представившего к награде флигель-адъютанта Канкрин. С Пузановым же в новую, либеральную эпоху подобного, конечно же, не случилось. В день объезда войск главнокомандующий просто отстранил его от командования дивизией и назначил на это место Шнитникова. Последнее было само по себе весьма неплохо, так как связка Криденер – командир IX корпуса – Шнитников – начальник его штаба оказалась явно не эффективной. «Вы, генерал, больны, – обратился к Пузанову Николай Николаевич в присутствии окружавших его генералов, – вам надо полечиться. Поэтому я вас сменяю, а на ваше место назначаю другого»¹⁸⁴. Оказалось-то, что генералу Пузанову всего лишь надо «полечиться»... После такого «наказания» Пузанов окончательно пришел в себя и не медля воспользовался подсказкой великого князя. Он написал рапорт «отчисления по болезни», быстро собрался, сел в ту же коляску и преспокойно укатил... «лечиться» в Россию¹⁸⁵.

Эпизод с Пузановым, конечно же, не имел массового распространения, но он и не был единичным. Примерно так и в то же время поступили герцоги Лейхтенбергские, возглавлявшие кавалерийские части отряда генерала Гурко. «Отличился» и генерал Бореиша. В сражении при Эски-Загре пуля попала в его серебряный портсигар, лежавший в кармане. Посчитавший себя раненым, Бореиша на носилках отправился на перевязочный пункт и пролежал там до конца сражения. Затем он как ни в чем не бывало «героем» явился к Гурко и заявил, что он остался в строю, даже несмотря на ранение. Вот как это далее описывал Газенкамф:

«Гурко покосился, но смолчал. Но, когда во время отступления из-за Балкан, Б. (Бореиша. – И.К.) загрозил своими обозами Хаинкиойское ущелье, вопреки строжайшему запрещению Гурко, тот его жестоко распек».

По возвращении Гурко доложил об этом инциденте Александру II, который приказал отстранить от командования генерала Бореишу. Однако из-за канцелярской волокиты распоряжение императора не сразу дошло до командующего VIII корпусом генерал-лейтенанта Радецкого. В результате, как писал Газенкамф, Бореише «удалось нагадить еще раз» и притом куда серьезнее: в начале августа его сообщения дезориентировали Радецкого и чуть было не сгубили отряд, защищавший Шипкинский перевал¹⁸⁶. Но об этом позже.

Эти истории характеризовали не по-военному вольготный режим требовательности и исполнительской дисциплины, преобладавший в среде командного состава русской Дунайской армии. И тон здесь задавали полевой штаб армии и императорская квартира. Именно последнюю Игнатьев обвинял «в бездеятельности и неуместной деликатности»¹⁸⁷.

¹⁸² Сборник материалов... Вып. 3. С. 61.

¹⁸³ Газенкамф М.А. Указ. соч. С. 70.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Скалон Д.А. Мои воспоминания... Т. I. С. 236.

¹⁸⁶ Газенкамф М.А. Указ. соч. С. 89.

¹⁸⁷ Игнатьев Н.П. Походные письма... С. 211.

Примечательно то, что, за редким исключением, жалобы на общую слабость генеральского состава на фоне постоянного восхищения стойкостью и мужеством простых солдат и офицеров – лейтмотив воспоминаний не только участников войны с русской стороны, но также и с турецкой.

Ну, хорошо – подкачали отцы-командиры. Отрицательных характеристик здесь можно насобирать достаточно. Но все же самыми опасными оказались данные о численности группировки Османа-паши, которые засели в головах русского командования. Ведь получилось так, что неверные представления об этой численности явились чуть ли не основной предпосылкой «турецкого гамбита» под Плевной.

Даже к 30 августа (11 сентября) 1877 г., ко дню третьего, самого кровавого штурма Плевны, когда еще не была перерезана и практически бесперебойно функционировала коммуникационная линия софийского шоссе, по которому в Плевну доставлялись подкрепления и припасы, численность ее гарнизона не превышала **35 тысяч штыков, 700 сабель регулярной кавалерии при 60 орудиях**. По данным же фон Херберта, общая численность защитников Плевны к тому времени была и того меньше – всего **30 тысяч человек (46 батальонов, 19 эскадронов регулярной и иррегулярной кавалерии, 500 черкесов) при 72 орудиях**¹⁸⁸.

Но к концу августа 1877 г. объединенная русско-румынская группировка под Плевной насчитывала уже **75 500 штыков, 8600 сабель и 424 орудия**¹⁸⁹. По данным Херберта, плевненский отряд в «...период его наибольшей силы насчитывал 48 000 человек...». В итоге же, когда 28 ноября (10 декабря) отчаявшийся в условиях полной блокады турецкий гарнизон предпринял попытку прорыва, был отброшен и принужден к капитуляции, то в плен сдалось **не более 44 тысяч, включая генералов, офицеров и легкораненых**. Это по данным Военно-исторической комиссии Главного штаба. По подсчетам же Херберта, общая численность гарнизона Плевны ко дню попытки прорыва блокады составляла **34 тысячи, включая «нестроєвых, выздоравливающих и раненых»**¹⁹⁰. Так вот, к тому времени эту изможденную «грозную» силу «пасли» в блокаде уже **более 130 тысяч русских солдат и офицеров**¹⁹¹.

Теперь, уважаемый читатель, постарайтесь оценить эти факты с точки зрения эффективной стратегии войны, т. е. необходимости с минимальными потерями достичь скорейшей общей победы над врагом, поразив его в самое сердце – столицу. Уверен, что вывод будет нелицеприятным в отношении командования русской армии.

А что разведка? В фильме, как и в романе, в лице Фандорина она один из главных героев плевненских событий. В реальности так тоже могло бы получиться, если бы штаб Западного отряда не увлекся неверной информацией.

Надо признать, что поступавшие сведения о количестве войск Османа-паши весьма разнились. Первые данные на этот счет попали в Кавказскую бригаду от Е. Федорова и бежавших из Плевны болгар. Данные эти оказались весьма преувеличены. От Туттолмина эта информация перекочевала в штаб IX корпуса. Уже после войны Криденер, отвергая упреки Куропаткина в переоценке численности войск Османа-паши, писал:

«По сведениям, тщательно собранным Кавказской казачьей бригадой, в Плевне, в половине июля, находилось 60 000 войск при 65-ти орудиях.

¹⁸⁸ Herbert F. W. von. Op. cit. P. 226.

¹⁸⁹ При упоминаниях о том, что русская армия имела значительный перевес в кавалерии, нужно иметь в виду, что это относилось только к так называемой регулярной армейской кавалерии. Турецкую иррегулярную кавалерию (черкесов, оттоманских казаков, салоникскую конную милицию) русское командование, как, впрочем, и турецкое, часто в расчет не принимало.

¹⁹⁰ Ibid. P. 412, 440.

¹⁹¹ Мартынов Е. Указ. соч. С. 256. Описание Русско-турецкой войны... Т. V. СПб., 1903. С. 15.

Разновременно спасавшиеся из Плевны болгары единогласно утверждали то же самое. Не было причины сомневаться в этих показаниях, тем более что, по доставленным нам данным, еще до перехода через Дунай, сила турецких отрядов определялась: в Видине в 45 000 человек, а в Рахове – сколько мне помнится – в 6000».

При этом Криденер отмечал, что данные полковника Артамонова, гораздо более точно отражавшие численность отряда Османа-паши, в штаб IX корпуса не поступали и что ему неизвестно, «насколько достоверны были источники, на которых полковник Артамонов основывал собираемые им сведения»¹⁹².

Явно завышенные данные поступали и от дипломатических агентов. Так, князь Церетелев (Церетели) в донесении из Белграда от 13 (25) августа определял силы Османа-паши до 70 тысяч человек.

Слухи о больших турецких силах под Плевной быстро распространялись. 13 (25) июля Александр II телеграфировал главнокомандующему, «что турки под Плевной все усиливаются и, по слухам, доходят до 50 тыс.», следовательно, «придется еще усилить войска прежде, чем предпринимать новую атаку».

На следующий день в ответной телеграмме великого князя говорилось: он обладает точными данными, «что в Плевне около 25 тыс. пехоты и много башибузуков; о 50 тыс. войска в Плевне, полагаю, преувеличено. У нас под Плевной будет три дивизии пехоты при 160 орудиях и трех бригадах кавалерии; силы достаточные»¹⁹³.

Однако в штабе IX корпуса возобладали иные представления. И к началу августа количество турок в Плевне, определенное перед штурмом 18 (30) июля в 60 тысяч, посчитали еще более возросшим. Успехи одной из воюющих сторон сразу же увеличивают ее силу в глазах другой, даже если такими возможностями эта преуспевающая сторона реально обладать просто не может. Эта своеобразная психологическая закономерность войны наглядно была продемонстрирована действиями Гурко и Османа-паши.

Напряженные споры о численности турецких войск шли и в полевом штабе армии¹⁹⁴. Что же касалось численности войск Османа-паши, то в этом вопросе штаб армии был единомыслен и, в отличие от штаба IX корпуса, придерживался куда более реалистичных оценок. 60 000 турок в Плевне?! «Это – совершенный вздор, – писал 13 (25) июля Газенкамф, – турки пришли в Плевну из Видина и окрестностей и, может быть, из Ниша, а из этих мест нельзя собрать более 25 000. Да и эта цифра слишком велика»¹⁹⁵.

Не более 25–30 тысяч – вот действительные силы Османа в Плевне к середине июля – такие данные были доложены руководству штаба армии коллегой П.Д. Паренсова полковником Генерального штаба Н.Д. Артамоновым.

Примечательно, что вечером 16 (28) июля Криденеру была доставлена телеграмма начальника штаба армии, в которой, между прочим, говорилось, что «великий князь полагает, что доставленные болгарскими сведения (о численности турок в Плевне – *И.К.*) преувеличены...»¹⁹⁶. Тем не менее и это, последнее предупреждение штаба армии Криденером было проигнорировано. А когда впоследствии запись об этом отзыве попала в «Журнал военных действий IX корпуса», то напротив него барон Криденер написал: «Не помню я этого отзыва. Если он не находится в делах штаба, то лучше о нем не упоминать»¹⁹⁷.

¹⁹² Криденер Н.П. Несколько слов по поводу статьи «Ловча, Плевно и Шейново» // Военный сборник. 1881. № 3. С. 147.

¹⁹³ Сборник материалов... Вып. 15. СПб., 1899. С. 50.

¹⁹⁴ Скалон Д.А. Мои воспоминания... Т. I. С. 192.

¹⁹⁵ Газенкамф М.А. Указ. соч. С. 62.

¹⁹⁶ Сборник материалов... Вып. 26. С. 47.

¹⁹⁷ Сборник материалов... Вып. 3. С. 42.

С точки зрения генерала Криденера, действительно, об этом лучше было «не упоминать». Ведь накануне второго штурма он не внял настойчивым советам штаба армии и даже не попытался в соответствии с ними перестроить диспозицию штурма. На этом фоне первые строчки его приказа № 43, отданного войскам после кровавого поражения 18 (30) июля, звучат как попытка явного самооправдания:

«В бою под Плевной мы встретили противника вдвое сильнее и притом оградившего себя рядами сильных укреплений, на местности и без того благоприятной обороне»¹⁹⁸.

Если штаб IX корпуса, доверившись сведениям Е. Федорова и болгарских беженцев, предполагал преувеличенными данными о численности плевненского гарнизона, то откуда тогда черпали свою более точную информацию Паренсов и Артамонов? Ведь именно их данным о численности отряда Османа-паши верили в штабе армии.

Знакомьтесь – господин Фаврикодоров...

Свои суждения о силах турецкой армии эти полковники Генерального штаба формировали на основе анализа агентурных сведений. Еще перед самым началом военных действий работа ряда их агентов, по выражению Паренсова, доставила «прекрасные результаты»¹⁹⁹. Так, из Рущука сотрудник местного русского консульства грек Карвонидес и болгарин – помощник начальника железнодорожной товарной станции снабжали русский штаб ценной информацией о составе турецких сил, их вооружении и перемещениях.

Незадолго до переправы у Систово, 31 мая (12 июня), в тыл к туркам был направлен специальный агент – участник Крымской войны К.Н. Фаврикодоров²⁰⁰. Инструктировали его Н.Д. Артамонов и М.Д. Скобелев. Последний особенно подчеркивал важность получения точной информации из придунайских городов, в которых концентрировались турецкие силы, могущие серьезно угрожать флангам русской армии.

26 июня (8 июля) Артамонов получил от Фаврикодорова сообщение, в котором наряду с другими данными упоминался Осман-паша и содержалась важная информация о Плевне. Но если о силах Османа-паши Фаврикодоров ошибочно говорил как о «50-ти тысячной армии», то, побывав в Плевне, он точно указал, что турецкое командование готовит Плевну к серьезной обороне. «Тысячи болгар, под руководством английских инженеров, – писал Фаврикодоров, – соорудили целую сеть траншей и редутов по окружающим город высотам»²⁰¹.

С паспортом на имя Хасана-Демержи-оглу Фаврикодоров продолжал свое опасное путешествие по турецким тылам. После Видина и Плевны были Шумла и София, Адрианополь и Филиппополь. Он перевоплощался в пастуха, цирюльника, торговца и даже башибузука. Только 3 (15) августа он прибыл к Артамонову в Горный Студень, но уже 8 (20) августа возвратился в Плевну. Таким образом, после второго штурма Плевны и до ее падения русское командование располагало в этом городе своим опытным агентом, доставлявшим донесения о состоянии турецких сил, плевненских укреплений и планах врага. Особенно ценной оказалась информация Фаврикодорова о военном совете в Плевне 13 (25) ноября, на котором было принято решение идти на прорыв блокады 28 или 29 ноября (10 или 11 декабря). Сообщение о принятых на совете решениях было передано Артамонову уже на следующий день и сыграло немаловажную роль в окончательном разгроме и пленении турецкой группировки. Нахо-

¹⁹⁸ Там же. С. 68.

¹⁹⁹ Паренсов П. Указ. соч. С. 167.

²⁰⁰ Фаврикодоров К.Н. Воспоминания лазутчика русской армии в войну 1877–1878 годов // Исторический вестник. 1885. Т. XXII, октябрь, ноябрь.

²⁰¹ Там же. С. 294.

дьясь продолжительное время в Плевне и непосредственно общаясь с турецкими солдатами и офицерами, Фаврикодоров, конечно же, скорректировал свои ранние оценки численности сил Османа-паши.

На этом фоне вызывает удивление следующий факт. Сменивший Криденера во главе Западного отряда командующий IV корпусом генерал-лейтенант П.Д. Зотов «на основании всех имевшихся у него данных, как из полевого штаба, так и собранных на месте», и в августе, и в октябре упорно продолжал оценивать силы Османа-паши в 80 тысяч человек при 120–150 орудиях²⁰². Так что же это за начальство, если руководство разведки из штаба армии сообщало верную информацию, а командование отдельного отряда так и норовило обманываться, и при этом в пользу противника?! В иной форме, но, по сути, таким же вопросом задавался и Фаврикодоров. «По-видимому, моим сообщениям или мало верили, или не придавали той важности, какой они в действительности заслуживали...» – вспоминал он впоследствии²⁰³.

Однако не будем забывать, что и сообщения лазутчиков часто грешили изрядной неточностью. Достаточно вспомнить сообщение самого Фаврикодорова от 26 июня (8 июля), в котором он говорит о предполагаемом выступлении Османа-паши из Видина с 50-тысячной армией. Оказалось ложным и вызвало только напрасную тревогу донесение лазутчиков о выступлении 20-тысячного отряда турок из Плевны к Никополю, намеченном якобы на 16 (28) августа²⁰⁴.

Кем были эти лазутчики? Опубликованные материалы не дают ответа на этот вопрос. По крайней мере, в их число вряд ли входил Фаврикодоров. Это косвенно подтверждает письменное свидетельство о работе Фаврикодорова в турецком тылу, выданное ему полковником Артамоновым после окончания войны²⁰⁵. В этой связи еще большее уважение заслуживают те организаторы разведки в штабе армии, и в особенности Артамонов, которые умело отсекали сомнительные сведения своей агентуры.

Если судить по фактам той войны, а не по тому, кто, когда и какой информацией обладал, то высказывания полковника Паренсова выглядят явно предпочтительнее в отражении сведений о противнике, нежели заявления генерал-адъютанта Обручева. «Административная часть, сведения о дорогах, железных и простых, реках, переправах, силах турок, средствах сражений, в которые мы готовились вступать, были недостаточны и во многом гадательны», – так оценивал Паренсов ситуацию предвоенных месяцев²⁰⁶.

Воспоминания К.Н. Фаврикодорова дают основания достаточно высоко оценивать деятельность турецкой разведки. Чего стоит один тот факт, что о предстоящем русском штурме 30 августа (11 июня) в Плевне говорили аж за неделю! Фаврикодоров вспоминал, что «турецкая армия имела шпионов, этими шпионами были болгары, и шпионили они не потому, что паша забрал у них жен и детей, а просто шли за вознаграждение, или потому, что были давнишние друзья туркам и вовсе не желали их падения»²⁰⁷.

Можно возразить, что воспоминания Фаврикодорова отмечены печатью резкого охлаждения русско-болгарских отношений, наступившего вскоре после окончания войны. Конечно, это имело место, но главное, думается, было в другом. Многовековое подчинение порождало не только героев, сражавшихся в болгарских дружинах Столетова, но и устойчивых конформистов, шпионивших в пользу турок.

²⁰² Куропаткин А.Н. Ловча, Плевна и Шейново... С. 64.

²⁰³ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. С. 303.

²⁰⁴ Описание Русско-турецкой войны... Т. IV. Ч. II. СПб., 1906. С. 66.

²⁰⁵ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. С. 319.

²⁰⁶ Паренсов П. Указ. соч. С. 188–189.

²⁰⁷ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. С. 310.

Любовь к своим освободителям – чувство весьма скоротечное. Это особый историко-психологический феномен. Фаврикодоров вспоминал, что в Плевне ему приходилось слышать от болгар такие суждения: «Да, Россия сильна и велика, только дай Бог, чтобы русские скорее оставили нашу Болгарию, они нам очень надоели»²⁰⁸. Что тут скажешь?.. У каждого своя правда.

Интересны воспоминания Паренсова о событиях, предшествовавших «Третьей Плевне», – том самом, разыгранном в фильме «Турецкий гамбит» штурме 30 августа (11 сентября), непосредственным свидетелем которого он был. Читая их, невольно приходишь к мысли, что причины и этой неудачи также связаны с недостатками разведки. Можно допустить, что информация Фаврикодорова из Плевны еще не поступала. Допустимо также, что она была скупа на описание плевненского лагеря и намерений турецкого отряда. Однако и без этого подавляющее превосходство русских в кавалерии позволяло командованию Западного отряда заполнить местность вокруг Плевны кавалерийскими отрядами с целью обследования обороны противника и его передвижений. В действительности же происходило следующее.

22 августа (3 сентября) отряд князя А.К. Имеретинского атакует и захватывает Ловчу, находившуюся в 36 км южнее Плевны. Роль ударной силы в этом штурме отводилась отряду М.Д. Скобелева. Но в этот же день Осман-паша лично повел на выручку гарнизону Ловчи отряд, состоявший из 20 батальонов, 2 эскадронов при 3 батареях. Отряд был разбит на три бригады. 22 августа (3 сентября) Осман-паша не достиг своей цели, но предусмотрительно остановил отряд на ночлег чуть западнее шоссе, по которому он двигался к Ловче.

Утром следующего дня конная разведка доложила, что город уже занят русскими войсками. Осман-паша собрал старших офицеров и поставил перед ними только один вопрос: «Мы атакуем или нет?» Все, кроме одного, дали отрицательный ответ, явно чувствуя, что сил для атаки недостаточно и русские в обороне просто перемелют турецкие батальоны. При этом командир одной из бригад Тахир-паша озвучил тот основной вопрос, который волновал штаб Османа-паши с момента занятия Ловчи: «...достаточно ли сильна наша армия, чтобы одновременно удерживать Плевну и Ловчу?»²⁰⁹. И в ответе на этот вопрос Осман-паша не сомневался: удерживать с наличными силами и Плевну, и Ловчу невозможно. Опасаясь, что ослабленная Плевна будет в его отсутствие атакована генералом Зотовым, Осман решил немедленно возвращаться.

Но можно было и не спешить. Осман-паша явно переоценивал оперативные способности русского командования под Плевной. Движение его достаточно большого отряда от Плевны к Ловче и обратно с 22 по 25 августа (3–6 сентября), почти так же, как и его переход из Видина к Плевне с 1 (13) по 7 (19) июля, осталось для русских практически незамеченным.

«Что же делала кавалерия западного отряда, находившаяся возле Богота?» – недоумевал в своих воспоминаниях Паренсов²¹⁰. Местечко Богот находилось в 3 км восточнее шоссе, примерно на полпути из Плевны в Ловчу. Именно сюда 22 августа (3 сентября) подтянулся состоявший из пяти полков кавалерии отряд генерал-майора Ратиева. Помимо этого, в полдень того же дня на плевненско-ловченском шоссе примерно в 13 км от Ловчи находился русский рекогносцировочный отряд из полка пехоты, двух батарей и полка кавалерии. Удивительно, но никто отряда Османа-паши так и не разглядел, а отдельным стычкам с его группами просто не придали значения.

²⁰⁸ Там же. С. 311.

²⁰⁹ Herbert F.W. von. Op. cit. P. 225, 455.

²¹⁰ Паренсов П. Указ. соч. С. 434.

Глава 4

Прелюдия к «Третьей Плевне»

К третьему штурму Плевны русскую армию двигало, прежде всего, то понимание ситуации на театре военных действий, которое возобладало в полевом штабе армии к концу июля 1877 г. Несмотря на ряд побед и значительные территориальные захваты, все это не было закреплено решительным успехом над главными турецкими силами или значительной их частью. Более того, эти силы угрожали флангам русской армии, а две попытки снять одну из угроз на правом фланге, у Плевны, закончились поражениями. По центру же, на южной стороне Балкан, у двери Шипкинского перевала в Северную Болгарию, притаилась армия Сулеймана-паши. Отсюда делался примерно следующий вывод: надо укрепиться на оборонительных позициях, дожидаться подкреплений из России и рассчитаться как можно скорее с Османом-пашой за два нанесенных поражения, обезопасив, таким образом, правый фланг армии и высвободив войска для продолжения наступления в направлении Константинополя. Подобные соображения доминировали и в полевом штабе армии, и в окружении императора.

Более всего командование русской армии опасалось концентрического наступления восточной и западной (плевненской) группировок противника в направлении Тырнова – Габрова и маневра сил Сулеймана с целью соединения с наступающими войсками Османа и Мехмеда-Али. Однако Сулейман-паша преподнес сюрприз.

Штурм Шипки: глупость и доблесть по-турецки

В начале августа все внимание оказалось приковано к Шипкинскому перевалу. Сулейман не стал маневрировать, а предпринял именно здесь мощную лобовую атаку с целью выбить русские батальоны и болгарские дружины с занимаемых ими позиций.

Еще 9 (21) июля новый военный министр Махмуд-паша прислал Сулейману в Адрианополь депешу, в которой предлагал высказаться в отношении наилучшего плана военных действий против русских. Вместе с тем из содержания депешы следовало, что первоначальной целью Сулеймана-паши станет овладение Шипкинским перевалом. Но прежде чем отвечать военному министру, Сулейман запросил Османа-пашу о размере тех сил, которые тот мог бы выделить для ведения наступательных действий. Ответ Османа выглядел так: после оставления в Плевне 10 батальонов для наступления будут пригодны 37. Получив эти данные, Сулейман направил ответ военному министру.

Из имевшихся в его распоряжении 56 батальонов Сулейман-паша рассчитывал 8 направить для защиты Хаин-Богазы и Кредича, а с остальными 48 выбить русских с Шипкинского перевала. Далее, оставив половину батальонов для защиты занятого перевала, с другой половиной направиться в Северную Болгарию.

Итак, получалось, что для активных наступательных действий в Северной Болгарии Сулейман-паша предполагал иметь всего лишь 24 батальона, а это, при их численности, – максимум 10 000 человек. Осман-паша заявлял 37, Мехмед-Али-паша рассчитывал на 66. Но даже если Сулейман-паша располагал 95 батальонами, на что указывал В. Бекер-паша, то для наступления он мог выделить 43,5 батальона, или около 17 500 человек²¹¹. И в этом случае перспективы наступательного потенциала турецких сил выглядели более чем скромно.

Наилучшей последовательностью действий Сулейман-паша считал начало наступления западного (плевненского) и восточного отрядов ранее его удара по русским позициям на Шипкинском перевале. Однако в июльской депеше военного министра отсутствовало указание

²¹¹ Куропаткин А.Н. Ловча, Плевна и Шейново... С. 53; Сологуб В. Указ. соч. // Военный сборник. 1880. № 1. С. 187.

на то, что наступление Сулеймана-паши будет поддержано действиями восточного и плевненского отрядов. В свое время это подметил еще А.Н. Куропаткин²¹². Только после взятия Шипки, уже на северной стороне Балкан Сулейману-паше предлагалось договориться с Мехмед-Али-пашой и Османом-пашой о совместном плане действий.

В своем ответе военному министру Сулейман-паша писал, «что следует остановиться на плане, во исполнение которого я, после занятия Шипки, должен бы двинуться через Сливно, Казан в Осман-Базар и наступать оттуда к Тырнову вместе с обеими дунайскими армиями»²¹³.

Здесь, правда, сам собой напрашивался вопрос: а разве нельзя было сразу направиться к Осман-Базару? Ведь в то время Сливненский, Хаинкиойский и Твардицкий проходы не были заняты русскими отрядами. Двигаться на Осман-Базар, сближаясь с восточной турецкой группировкой, Сулеймана призывал Мехмед-Али. Последний считал, что Сулейману следовало оставить 45 батальонов на оборонительных позициях против Шипки и в Адрианополе, а с остальными выйти к Осман-Базару. Мехмед-Али даже послал в Константинополь своего адъютанта с целью организовать соответствующее давление на Сулеймана. Однако последний был непреклонен в отрицании плана своего бывшего подчиненного и обладал достаточным влиянием в правительственных кругах, чтобы отстоять собственные решения²¹⁴.

Был еще вариант через Мара-Гайдук выйти на сельвинскую дорогу и объединить силы с Османом-пашой. Однако с точки зрения Сулеймана и константинопольских стратегов, оба эти варианта обладали одним существенным дефектом: они резко ослабляли прикрытие Адрианополя и позволяли русским, спустившись с перевала, раздавить слабые силы турецкой обороны и устремиться к османской столице. При этом успешный опыт обороны Плевны явно не брался в расчет. Надуманные страхи преувеличенной численности противника и его решимости в очередной раз победили стратегическую дерзость. Вот почему был выбран, казалось бы, абсурдный вариант – лобовой штурм Шипки, неминуемо связанный с большими потерями. Сулейман принял такое решение, с ним согласились в Константинополе, и 6 (18) августа из турецкой столицы были отправлены соответствующие приказания.

Любопытно, что в тот же день, 6 (18) августа, на совещании начальника полевого штаба русской армии генерал-адъютанта Непокойчицкого с командиром Западного отряда генерал-лейтенантом Зотовым было принято решение ускорить взятие Плевны. С этой целью «оба генерала пришли к заключению, что нечего ожидать подхода 3-й пехотной дивизии, что достаточно притянуть румын и 2-ю дивизию, усилив артиллерию осадными орудиями»²¹⁵.

Однако уже на следующий день, 7 (19) августа, двумя телеграммами в штаб армии командующий VIII корпусом генерал-лейтенант Ф.Ф. Радецкий сообщил, что, по донесениям Столетова и Держинского, против Шипки сосредотачиваются значительные силы Сулеймана-паши²¹⁶. Однако на массированную турецкую атаку русское командование здесь не рассчитывало. «Я был убежден, – писал в своем дневнике Газенкамф, – что с фронта будет только энергическая демонстрация»²¹⁷. Среди командного состава русской армии в этом мало кто сомневался. Основной удар турок ожидался со стороны Ловчи и Осман-Базара в направлении на Сельви, Габрово и Тырново. В первых числах августа, по сообщениям местных жителей и иностранной прессы, основные силы Сулеймана-паши располагались в районе Ени-Загры и Сливно. В связи с этим Радецкий позднее отмечал в рапорте главнокомандующему:

²¹² Куропаткин А.Н. Ловча, Плевна и Шейново... С. 52.

²¹³ Там же. С. 53.

²¹⁴ После окончания военных действий против Сербии Мехмед-Али-паша действовал против черногорцев под началом Сулеймана-паши. Отношения между ними отличались глубокой неприязненностью.

²¹⁵ Описание Русско-турецкой войны... Т. IV. Ч. I. С. 18.

²¹⁶ Сборник материалов... Вып. 36. СПб., 1902.

²¹⁷ Газенкамф М.А. Указ. соч. С. 88.

«Это давало повод предполагать, что неприятель может двинуться на соединение с войсками у Осман-Базара через Котел, или выйти во фланг нашим войскам, стоящим против Осман-Базара, через Бебровский и Елененский перевалы, или через Хаинкиойский проход»²¹⁸.

Да и сам главнокомандующий еще утром 8 (20) августа именно на это ориентировал Радецкого²¹⁹. Особое беспокойство как в полевом штабе армии, так и в штабе VIII корпуса вызывал занятый турками Елененский перевал.

И вот 7 (19) августа Радецкий получил донесение из Елены от генерал-майора Борейши, которое, казалось бы, подтверждало эти предположения. Борейша сообщал, что отправленный им отряд к Стара-Река атакован превосходящими силами противника и, несмотря на высланные подкрепления, отеснен к Беброво, причем само Беброво сожжено неприятелем²²⁰.

Радецкий направил предписание командиру сельвинского отряда, начальнику 9-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Святополк-Мирскому немедленно двинуть 35-й Брянский полк с батареей из Сельви в Габрово для усиления отряда на Шипке. Однако куда более крупные силы Радецкий все же отправил на восток в помощь Борейше. С рассветом 8 (20) августа сам Радецкий с 4-й стрелковой бригадой и двумя горными орудиями двинулся к Елене, а 2-ю бригаду 14-й дивизии он отправил на Златарицу.

Прибыв в Елену, Радецкий быстро понял, что опасения, навеянные сообщением Борейши, оказались ложными. Здесь отсутствовали какие-либо крупные турецкие силы и тем более не предвиделось их наступления. Как писал Радецкий, там было «полное вооруженное восстание жителей, поддерживаемое башибузуками и черкесами и небольшой лишь частью регулярных войск»²²¹. Нужно было срочно возвращаться назад – пятьдесят шесть километров по 40-градусной жаре!..

А возвращаться нужно было не просто быстро, а очень быстро. 8 (20) августа в Златарице Радецкий получил от Столетова и Держинского донесения о том, что армия Сулеймана-паши готова атаковать Шипку²²². Позднее в рапорте главнокомандующему Радецкий писал, что 8 (20) августа «уже нельзя было сомневаться» – с целью атаки, а не демонстрации, «перед Шипкой стоит вся армия Сулеймана-паши»²²³.

Прибыв 9 (21) августа в Тырново, Радецкий застал там известия, одно тревожнее другого. И тревога эта нарастала буквально по часам. Согласно утренним депешам Держинского с Шипки, противник с 7 часов атаковал крупными силами и обхватывал фланги русской обороны. А уже в полдень Радецкий читал телеграмму Держинского и Столетова: генералы были убеждены, что на следующий день будут окружены²²⁴. Сообщения из отряда цесаревича также не радовали. 9 (21) августа вышедшие из Рушука несколько батальонов отеснили от Кадькиоя сотни 12-го Донского полка²²⁵. К вечеру же поступило сообщение о начале наступления турок от Ловчи на Сельви. Что это? Неужели начало согласованного наступления трех турецких группировок?

В отношении наступления турок от Ловчи Н.В. Скрицкий пишет, что «одновременно с атакой Сулеймана-паши, по данным русского командования, двинулись из Ловчи на Сельви

²¹⁸ Сборник материалов... Вып. 36. С. 620.

²¹⁹ Там же. С. 124.

²²⁰ Там же. С. 621.

²²¹ Там же. С. 621.

²²² Там же. С. 124–125.

²²³ Там же. С. 622.

²²⁴ Там же. С. 151.

²²⁵ Сборник материалов... Вып. 2. С. 323, 329.

и Габрово 20 таборов Хафиза-паши. Против них пришлось направить 2-ю пехотную дивизию князя Имеретинского, тогда как бригаду из Габрово спешно направили к Шипке»²²⁶.

То, что «из Ловчи тронулся с 20-ю батальонами Хафиз-паша на Сельви и Габрово», – эти данные принадлежали вовсе не «русскому командованию», а графу Н.П. Игнатьеву²²⁷. Из его письма к жене от 10 (22) августа их и позаимствовал Н.В. Скрицкий. А вот откуда их взял граф Николай Павлович?.. Конечно, в среде «русского командования» в то время ходили разные мрачные слухи, постоянно питаемые опасениями трехстороннего турецкого наступления. Но слухи слухами, однако если под «русским командованием» подразумевался полевой штаб армии, то подобными данными он не оперировал. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть августовские записи полковника Газенкампа в журнале штаба²²⁸. Более того, уже к 18 часам 9 (21) августа вскрылись истинные масштабы турецкого «наступления». В это время начальник штаба 9-й пехотной дивизии полковник Эллерс телеграфировал в штабы 2-й пехотной дивизии и VIII корпуса:

«Неприятель тремя колоннами наступал от Ловчи на Сельви. Но после перестрелки и атаки казаков, усиленных 4-мя ротами, отброшен к дороге в Ловчу. Как оказалось, эти три колонны были спешенные черкесы числом 400 ч., которые своих лошадей оставили скрытно от нас в ложине»²²⁹.

О каких 20 таборах, якобы наступающих от Ловчи, могла идти речь, если в ней на тот момент их всего было 6 при одной батарее и сотне иррегулярной кавалерии²³⁰? И вот этой информацией штаб армии точно располагал. По крайней мере, и Паренсов, и Артамонов своевременно довели ее до сведения командования. Другой вопрос: как командование отнеслось к этой информации?

Но 20 таборов из Ловчи?! Из самой Плевны 19 (31) августа Осман-паша лично выведет для удара по левому флангу Западного отряда только 19. Да и кто такой этот Хафиз-паша, которого упомянул Игнатьев, а вслед за ним и Скрицкий, назвав его даже «энергичным»²³¹? В Плевне и Ловче находились войска под общим командованием Османа-паши. А у последнего в подчинении был только один Хафиз – командир третьего полка первой дивизии полковник Хафиз-бей. И находился этот полковник вместе со своим полком 9 (21) августа в Плевне²³². Да и не доверил бы Осман-паша этому полковнику проведение подобной операции со столь крупными силами. Для этого в его окружении были способные и энергичные командиры чином повыше – дивизионный генерал (ферик) Адиль-паша; бригадные генералы (ливы): Тахир-паша, Хассан-Сабри-паша (вскоре произведенный в ферики), Атуф-паша, Кара-Али-паша, Садик-паша, Рифат-паша²³³. На этом список генералов из Плевны и Ловчи заканчивается. Так что не было не только 20 таборов, но и Хафиза-паши тоже не было.

400 конных черкесов, намеренно или нет, смогли имитировать наступление целых 20 батальонов, заставили совершать ненужные маневры целую русскую дивизию и возбудили в стане противника старые «призраки и миражи» большой численности и активности турецких сил. Отличный результат!

²²⁶ Скрицкий Н.В. Указ. соч. С. 172.

²²⁷ Игнатьев Н.П. Походные письма... С. 199.

²²⁸ Сборник материалов... Вып. 2. С. 329.

²²⁹ Сборник материалов... Вып. 36. С. 159–160.

²³⁰ Herbert F. W. von. Op.cit. P. 426.

²³¹ Скрицкий Н.В. Указ. соч. С. 172.

²³² Herbert F. W. von. Op.cit. P. 426, 429.

²³³ Ibid. P. 424–428.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.